

Анна АХМАТОВА

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ В ОДНОМ ТОМЕ

Издательство
АЛЬФА-КНИГА
Москва
2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-5
А95

Серия основана в 2007 году

Ахматова А. А.

А95 Полное собрание поэзии и прозы в одном томе. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 1007 с. : ил. — (Полное собрание в одном томе).

ISBN 978-5-9922-0308-0

В этом томе представлены все стихотворения, поэмы и проза, вышедшие из-под пера «Анны всея Руси» — знаменитой поэтессы Анны Андреевны Ахматовой.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-5

ISBN 978-5-9922-0308-0

© Наследники Ахматовой А. А., 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

АХМАТОВА: ДЕНЬ ЗА ДНЕМ

«Полное собрание сочинений в одном томе» — это название серии, а не подзаголовок книги: в том не включены переводы Ахматовой, здесь нет ее писем, почти нет (оставлены только в «автобиографической прозе») дневников и записных книжек. Представлено только творчество поэта по годам, по месяцам, по дням — там, где это оказалось возможным: датировка произведений Ахматовой не всегда достоверна, ибо многие стихи датировались Анной Андреевной через годы, датировались по-разному в разных списках. В однотомнике не выделены, как это делается обычно в собраниях сочинений, стихи в один раздел, проза в другой, драматургия — в третий. Все подряд, день за днем, как писалось. Потому и циклы, и сборники, привычные для нашего глаза, разбиты на отдельные стихи — по дате написания. А приложенные к собранию биография поэта и хронологическая канва событий в мире в то время, когда Анна Андреевна жила на свете (1889—1966), помогут читателю понять, на что Ахматова откликнулась, на что нет — в той или иной форме.

Н. Василькова

1904 — 1905

ЛИЛИИ

Я лилий нарвала прекрасных и душистых,
Стыдливо-замкнутых, как дев невинных рой,
С их лепестков, дрожащих и росистых,
Пила я аромат и счастье и покой.

И сердце трепетно сжималось, как от боли,
А бледные цветы качали головой,
И вновь мечтала я о той далекой воле,
О той стране, где я была с тобой...

22 июня 1904
Одесса

* * *

А. М. Ф<едорову>

Над черною бездной с тобою я шла,
Мерцающая зарница сверкала.
В тот вечер я клад неоцененный нашла
В загадочно-трепетной дали.
И песня любви нашей чистой была,
Прозрачнее лунного света,
А черная бездна, проснувшись, ждала
В молчании страсти обета.
Ты нежно-тревожно меня целовал,
Сверкающей грезой полный,
Над бездною ветер, шумя, завывал...
И крест над могилой забытой стоял,
Белея, как призрак безмолвный.

24 июня 1904

* * *

О, молчи! от волнующих страстных речей
Я в огне и дрожу,
И испуганно нежных очей
Я с тебя не свожу.

О, молчи! в сердце юном моем
Пробудил что-то странное ты.
Жизнь мне кажется дивным загадочным сном,
Где лобзанья — цветы.

Отчего ты так низко нагнулся ко мне,
Что во взоре моем ты прочел,
Отчего я дрожу? отчего я в огне?
Уходи! О, зачем ты пришел.

1904—1905

1906

* * *

Ты к морю пришел, где увидел меня,
Где, нежность тая, полюбила и я.

Там тени обоих: твоя и моя,
Тоскуют теперь, грусть любви затая.

И волны на берег плывут, как тогда,
Им нас не забыть, не забыть никогда.

И лодка плывет, презирая века,
Туда, где в залив попадает река.

И этому нет и не будет конца,
Как бегу извечному солнца-гонца.

1906

* * *

Я умею любить.
Умею покорной и нежною быть.
Умею заглядывать в очи с улыбкой
Манящей, призывной и зыбкой.
И гибкий мой стан так воздушен и строен,
И нежит кудрей аромат.
О, тот, кто со мной, тот душой неспокоен
И негой объят...

Я умею любить. Я обманно-стыдлива.
Я так робко-нежна и всегда молчалива.
Только очи мои говорят.
Они ясны и чисты,
Так прозрачно-лучисты.

Они счастье сулят.
Ты согласишь — обманут,
Лишь лазурнее станут
И нежнее и ярче они —
Голубого сиянья огни.
И в устах моих — алая нега.
Грудь белее нагорного снега.
Голос — лепет лазоревых струй.
Я умею любить. Тебя ждет поцелуй.

1906

Евпатория

1907

* * *

На руке его много блестящих колец —
Покоренных им девичьих нежных сердец.

Там ликует алмаз, и мечтает опал,
И красивый рубин так причудливо ал.

Но на бледной руке нет кольца моего,
Никому, никогда не отдам я его.

Мне сковал его месяца луч золотой
И, во сне надевая, шепнул мне с мольбой:

«Сохрани этот дар, будь мечтою горда!»
Я кольца не отдам никому, никогда.

<Март> 1907

Киев

1908

* * *

Улыбнулся, вставши на пороге,
Умерло мерцание свечи.
Сквозь него я вижу пыль дороги
И косые лунные лучи.

1908
Балаклава

1909

* * *

Герб небес изогнутый и древний.
Что на нем, почти не разобрать.
Девочке, сидевшей у харчевни,
Я велел меня сегодня ждать.

А она на луг глядела вешний,
Пальчиками чистя апельсин.
Улыбнулась: «Верно, вы не здешний?»
И ушла, отдав мне взгляд один.

Ни дорог не видно, ни тропинок,
Я карету здесь останавливаю.
Никогда я не любил блондинок,
А теперь уже не люблю.

Мы за полночь проиграли в кости,
Мне везло чертовски в этот день...
И когда еще прощались гости,
Поредела за окошком тень.

Шел я, напевая «Встречи мая»,
По неровным шатким ступеням.
Мне светил трактирщик, повторяя:
«Не шумите, в доме много дам!»

<1909>

ДИФИРАМБ

Зеленой той весны не бывало еще во вселенной.

1909 <?>

ЧИТАЯ «ГАМЛЕТА»

1

У кладбища направо пылил пустырь,
 А за ним голубела река.
 Ты сказал мне: «Ну что ж, иди в монастырь
 Или замуж за дурака...»
 Принцы только такое всегда говорят,
 Но я эту запомнила речь, —
 Пусть струится она сто веков подряд
 Горностаевой мантией с плеч.

1909

Киев

2

И как будто по ошибке
 Я сказала: «Ты...»
 Озарила тень улыбки
 Милые черты.
 От подобных оговорок
 Всякий вспыхнет взор...
 Я люблю тебя, как сорок
 Ласковых сестер.

1909—1945

Киев

* * *

И когда друг друга проклинали
 В страсти, раскаленной добела,
 Оба мы еще не понимали,
 Как земля для двух людей мала,
 И что память яростная мучит,
 Пытка сильных — огненный недуг! —
 И в ночи бездонной сердце учит
 Спрашивать: о, где ушедший друг?
 А когда, сквозь волны фимиама,
 Хор гремит, ликуя и грозя,
 Смотрят в душу строго и упрямо
 Те же неизбежные глаза.

1909

ИЗ ПЕРВОЙ ТЕТРАДИ

Отрывок

Всю ночь не давали заснуть,
Говорили тревожно, звонко,
Кто-то ехал в далекий путь,
Увозил больного ребенка,
А мать в полутемных сенях
Ломала иссохшие пальцы
И долго искала впотьмах
Чистый чепчик и одеяльце.

*1909**Київ*

* * *

Молюсь оконному лучу —
Он бледен, тонок, прям.
Сегодня я с утра молчу,
А сердце — пополам.
На рукомоёмнике моем
Позеленела медь.
Но так играет луч на нем,
Что весело глядеть.
Такой невинный и простой
В вечерней тишине,
Но в этой хранине пустой
Он словно праздник золотой
И утешенье мне.

*3 ноября 1909**Київ*

* * *

Ночь моя — бред о тебе,
День — равнодушно: пусть!
Я улыбнулась судьбе,
Мне посылающей грусть.

Тяжек вчерашний угар,
Скоро ли я догорю,
Кажется, этот пожар
Не превратится в зарю.

Долго ль мне биться в огне,
 Дальнего тайно кляня?..
 В страшной моей западне
 Ты не увидишь меня.

1909
 Киев

* * *

Хорони, хорони меня, ветер!
 Родные мои не пришли,
 Надо мною блуждающий вечер
 И дыханье тихой земли.

Я была, как и ты, свободной,
 Но я слишком хотела жить.
 Видишь, ветер, мой труп холодный,
 И некому руки сложить.

Закрой эту черную рану
 Покровом вечерней тьмы
 И вели голубому туману
 Надо мною читать псалмы.

Чтобы мне легко, одинокой,
 Отойти к последнему сну,
 Прощуми высокой осокой
 Про весну, про мою весну.

Декабрь 1909
 Киев

ИЗ ЗАВЕЩАНИЯ ВАСИЛЬКИ

А княгиня моя, где захочет жить,
 Пусть будет ей вольной воля,
 А мне из могилы за тем не следить,
 Из могилы средь чистого поля.
 Я ей завещаю все серебро,

1909
 Киев

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Подушка уже горяча
С обеих сторон.
Вот и вторая свеча
Гаснет, и крик ворон
Становится все слышней.
Я эту ночь не спала,
Поздно думать о сне...
Как нестерпимо бела
Штора на белом окне.
Здравствуй!

2

Тот же голос, тот же взгляд,
Те же волосы льняные.
Все как год тому назад.
Сквозь стекло лучи дневные
Известь белых стен пестрят...
Свежих лилий аромат
И слова твои простые.
1909 или весна 1910

* * *

Глаза безумные твои
И ледяные речи,
И объяснение в любви
Еще до первой встречи.

Тебе обещана была
В каком-то давнем веке,
Как зачарованная шла
Через моря и реки, —

Не знала я твоих примет
И имени не знала.
Ты для меня был как рассвет,
Как ночь без покрывала.

<1909>

* * *

По полу лучи луны разлились.
Сердце сразу замерло, зажглось,
И блаженно пальцы опустились
В волны светлых, словно лен, волос.

Молния блеснула, точно спичка,
И на тусклом небе умерла.
В белом платье ласковая птичка
На кровати у меня спала.

Встрепенулась и сложила руки,
Зашептав: «О, Боже, где же Ты?»
Голоса пленительные звуки
Помню, помню, как они чисты.

<1909>

* * *

То ли я с тобой осталась,
То ли ты ушел со мной,
Но оно не состоялось,
Разлученье, ангел мой!
И не вздох печали томной,
Не затейливый укор,
Мне внушает ужас темный
Твой спокойный ясный взор.

<1909>

1910

* * *

Сладок запах синих виноградин...
Дразнит опьяняющая даль.
Голос твой и глух и безотраден.
Никого мне, никого не жаль.

Между ягод сети-паутинки,
Гибких лоз стволы еще тонки,
Облака плывут, как льдинки, льдинки
В ярких водах голубой реки.

Солнце в небе. Солнце ярко светит.
Уходи к волне про боль шептать.
О, она, наверное, ответит,
А быть может, будет целовать.

16 января 1910
Киев

* * *

Н. Г<умилеву>

Je n'aurai pas l'honneur sublime
De dormir mon nom á l'abome
Qui me servira de Tombeau.

Baudelaire¹

I

Пришли и сказали: «Умер твой брат»...
Не знаю, что это значит.
Как долго сегодня холодный закат
Над крестами лаврскими плачет.

¹ Я не заслужу той высшей чести
Даровать мое имя той бездне,
Которая послужит мне могилой.

Бодлер (фр.).

И новое что-то в такой тишине
 И недоброе проступает,
 А то, что прежде пело во мне,
 Томительно рыдает.

Брата из странствий вернуть могу,
 Любимого брата найду я,
 Я прошлое в доме моем берегу,
 Над прошлым тайно колдуя.

.....

II

«Брат! Дождалась я светлого дня.
 В каких скитался ты странах?»
 «Сестра, отвернись, не смотри на меня,
 Эта грудь в кровавых ранах».

«Брат, эта грусть — как кинжал остра,
 Отчего ты словно далеко?»
 «Прости, о прости, моя сестра,
 Ты будешь всегда одинока».

25 января 1910
Киев

* * *

Жарко веет ветер душный,
 Солнце руки обожгло,
 Надо мною свод воздушный,
 Словно синее стекло;

Сухо пахнут иммортели
 В разметающейся косе.
 На стволе корявой ели
 Муравьиное шоссе.

Пруд лениво серебрится,
 Жизнь по-новому легка...
 Кто сегодня мне приснится
 В пестрой сетке гамака?

Январь 1910
Киев

* * *

Тебе, Афродита, слагаю танец,
 Танец слагаю тебе.
 На бледных щеках розовеет румянец...
 Улыбнись моей судьбе.
 По ночам ты сходила в чертоги Фрины¹,
 Войди в мой тихий дом.
 Лиловый туман пробрался в долины.
 Луна над твоим холмом.
 Скольжу и кружусь в заревом бессилье.
 Богиня! тебе мой гимн.
 Руки, как крылья, руки, как крылья,
 Над челом золотистый нимб.

Январь 1910

* * *

Синий вечер. Ветры кротко стихли,
 Яркий свет зовет меня домой.
 Я гадаю: кто там? — не жених ли,
 Не жених ли это мой?..

На террасе силуэт знакомый,
 Еле слышен тихий разговор.
 О, такой пленительной истомы
 Я не знала до сих пор.

Тополя тревожно прошуршали,
 Нежные их посетили сны.
 Небо цвета вороненой стали,
 Звезды матово-бледны.

Я несу букет левкоев белых.
 Для того в них тайный скрыт огонь,
 Кто, беря цветы из рук несмелых,
 Тронет теплую ладонь.

Сентябрь 1910
Царское Село

¹Фрина — дочь Эпикла (IV в. до н.э.), греческая красавица гетера, излюбленная модель художников и скульпторов.

* * *

Хочешь знать, как все это было? —
 Три в столовой пробило,
 И прощаясь, держась за перила,
 Она словно с трудом говорила:
 «Это все... Ах, нет, я забыла,
 Я люблю вас, я вас любила
 Еще тогда!»
 «Да».

29 октября 1910
Киев

* * *

Я написала слова,
 Что долго сказать не смела.
 Тупо болит голова,
 Странно немеет тело.

Смок отдаленный рожок,
 В сердце все те же загадки,
 Легкий осенний снежок
 Лег на крокетной площадке.

Листьям последним шуршать!
 Мыслям последним томиться!
 Я не хотела мешать
 Тому, кто привык веселиться.

Милым простила губам
 Я их жестокую шутку...
 О, вы приедете к нам
 Завтра по первопутку.

Свечи в гостиной зажгут,
 Днем их мерцанье нежнее,
 Целый букет принесут
 Роз из оранжереи.

Октябрь 1910
Царское Село

* * *

Весенним солнцем это утро пьяно,
 И на террасе запах роз слышней,
 А небо ярче синего фаянса.
 Тетрадь в обложке мягкого сафьяна;
 Читаю в ней элегии и стансы,
 Написанные бабушке моей.

Дорогу вижу до ворот, и тумбы
 Белеют четко в изумрудном дерне.
 О, сердце любит сладостно и слепо!
 И радуют пестреющие клумбы,
 И резкий крик вороны в небе черной,
 И в глубине аллеи арка склепа.

2 ноября 1910
 Киев

МАСКАРАД В ПАРКЕ

Луна освещает карнизы,
 Блуждает по гребням реки...
 Холодные руки маркизы
 Так ароматно-легки.

«О принц! — улыбаясь, присела, —
 В кадрили вы наш *vis-à-vis*»¹, —
 И томно под маской бледнела
 От жгучих предчувствий любви.

Вход скрыл серебриющийся тополь
 И низко спадающий хмель.
 «Багдад или Константинополь
 Я вам завоюю, *ma belle!*»²

«Как вы улыбаетесь редко,
 Вас страшно, маркиза, обнять!»

¹ Визави (фр.).

² Моя красавица! (фр.)

Темно и прохладно в беседке.
«Ну что же! пойдём танцевать?»»

Выходят. На вязах, на кленах
Цветные дрожат фонари,
Две дамы в одеждах зеленых
С монахами держат пари.

И бледный, с букетом азалий,
Их смехом встречает Пьеро:
«Мой принц! О, не вы ли сломали
На шляпе маркизы перо?»»

6 ноября 1910
Киев

ОН ЛЮБИЛ...

Он любил три вещи на свете:
За вечерней пенью, белых павлинов
И стертые карты Америки.
Не любил, когда плачут дети,
Не любил чая с малиной
И женской истерики.
...А я была его женой.

9 ноября 1910
Киев

* * *

На столике чай, печения сдобные,
В серебряной вазочке драже.
Подобрала ноги, села удобнее,
Равнодушно спросила: «Уже?»»
Протянула руку. Мои губы дотронулись
До холодных гладких колец.
О будущей встрече мы не условились.
Я знал, что это конец.

9 ноября 1910
Киев

СТАРЫЙ ПОРТРЕТ

А. А. Экстер

Сжала тебя золотистым овалом
Узкая, старая рама.
Негр за тобой с голубым опахалом,
Стройная белая дама.

Тонки по-девичьи нежные плечи,
Смотришь надменно-упрямо;
Тускло мерцают высокие свечи,
Словно в преддверии храма.

Возле на бронзовом столике цитра,
Роза в граненом бокале...
В чьих это пальцах дрожала палитра,
В этом торжественном зале?

И для кого эти жуткие губы
Стали смертельной отравой?
Негр за тобою, нарядный и грубый,
Смотрит лукаво.

*Осень 1910
Киев*

ПЕРВОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

На землю саван тягостный возложен,
Торжественно гудят колокола,
И снова дух смятен и потревожен
Истомной скукой Царского Села.
Прошло пять лет. Здесь все мертво и немо,
Как будто мира наступил конец.
Как навсегда исчерпанная тема,
В смертельном сне покоится дворец.

*Осень 1910
Царское Село*

* * *

«Я смертельна для тех, кто нежен и юн.
Я птица печали. Я — Гамаюн.
Но тебя, сероглазый, не трону, иди.
Глаза я закрою, я крылья сложу на груди,
Чтоб, меня не заметив, ты верной дорогой пошел.
Я замру, я умру, чтобы ты свое счастье нашел...»
Так пел Гамаюн среди черных осенних ветвей,
Но путник свернул с осянной дороги своей.

*7 декабря 1910
Царское Село*

СЕРОГЛАЗЫЙ КОРОЛЬ

Слава тебе, безысходная боль!
Умер вчера сероглазый король.

Вечер осенний был душен и ал,
Муж мой, вернувшись, спокойно сказал:

«Знаешь, с охоты его принесли,
Тело у старого дуба нашли.

Жаль королеву. Такой молодой!..
За ночь одну она стала седой».

Трубку свою на камине нашел
И на работу ночную ушел.

Дочку мою я сейчас разбуджу,
В серые глазки ее погляжу.

А за окном шелестят тополя:
«Нет на земле твоего короля...»

*11 декабря 1910
Царское Село*

* * *

Стояла долго я у врат тяжелых ада,
Но было тихо и темно в аду...
О, даже Дьяволу меня не надо,
Куда же я пойду?..

23 декабря 1910
Царское Село

* * *

В комнате моей живет красивая
Медленная черная змея;
Как и я, такая же ленивая
И холодная, как я.

Вечером слагаю сказки чудные
На ковре у красного огня,
А она глазами изумрудными
Равнодушно смотрит на меня.

Ночью слышат стонущие жалобы
Мертвые, немые образа...
Я иного, верно, пожелала бы,
Если б не змеиные глаза.

Только утром снова я, покорная,
Таю, словно тонкая свеча...
И тогда сползает лента черная
С низко обнаженного плеча.

1910

1911

* * *

Сжала руки под темной вуалью...
«Отчего ты сегодня бледна?»
— Оттого, что я терпкой печалью
Напоила его допьяна.

Как забуду? Он вышел, шатаясь,
Искривился мучительно рот...
Я сбежала, перил не касаясь,
Я бежала за ним до ворот.

Задыхаясь, я крикнула: «Шутка
Все, что было. Уйдешь, я умру».
Улыбнулся спокойно и жутко
И сказал мне: «Не стой на ветру».

8 января 1911
Киев

ВЕЧЕРНЯЯ КОМНАТА

Я говорю сейчас словами теми,
Что только раз рождаются в душе.
Жужжит пчела на белой хризантеме,
Так душно пахнет старое саше.

И комната, где окна слишком узки,
Хранит любовь и помнит старину,
А над кроватью надпись по-французски
Гласит: «Seigneur, ayez pitié de nous»¹.

¹ Господи, помилуй нас (фр.)

Ты сказки давней горестных заметок,
 Душа моя, не тронь и не ищи...
 Смотрю, блестящих северских статуэток
 Померкли глянцевитые плащи.

Последний луч, и желтый и тяжелый,
 Застыл в букете ярких георгин,
 И как во сне я слышу звук виолы
 И редкие аккорды клавесин.

21 января 1911
Киев

АЛИСА

I

Все тоскует о забытом,
 О своем весеннем сне,
 Как Пьеретта о разбитом
 Золотистом кувшине...

Все осколочки собрала,
 Не умела их сложить...
 «Если б ты, Алиса, знала,
 Как мне скучно, скучно жить!

Я за ужином зеваю,
 Забываю есть и пить,
 Ты поверишь, забываю
 Даже брови подводить.

О Алиса! Дай мне средство,
 Чтоб вернуть его опять;
 Хочешь, все мое наследство,
 Дом и платья можешь взять.

Он приснился мне в короне,
 Я боюсь моих ночей!»
 У Алисы в медальоне
 Темный локон — знаешь, чей?!

22 января 1911
Киев

II

«Как поздно! Устала, зеваю...»
«Миньона, спокойно лежи,
Я рыжий парик завиваю
Для стройной моей госпожи.

Он будет весь в лентах зеленых,
А сбоку жемчужный аграф;
Читала записку: «У клена
Я жду вас, таинственный граф!»

Сумеет под кружевом маски
Лукавая смех заглушить,
Велела мне даже подвязки
Сегодня она надушить».

Луч утра на черное платье
Скользнул, из окошка упав...
«Он мне открывает объятья
Под кленом, таинственный граф».

23 января 1911
Киев

* * *

Память о солнце в сердце слабеет.
Желтей трава.
Ветер снежинками ранними веет
Едва-едва.

В узких каналах уже не струится —
Стынет вода.
Здесь никогда ничего не случится, —
О, никогда!

Ива на небе пустом распластала
Веер сквозной.
Может быть, лучше, что я не стала
Вашей женой.

Память о солнце в сердце слабеет.
 Что это? Тьма?
 Может быть!.. За ночь прийти успеет
 Зима.

30 января 1911
Киев

БЕЛОЙ НОЧЬЮ

Ах, дверь не заперала я,
 Не зажигала свеч,
 Не знаешь, как, усталая,
 Я не решалась лечь.

Смотреть, как гаснут полосы
 В закатном мраке хвои,
 Пьянея звуком голоса,
 Похожего на твой.

И знать, что все потеряно,
 Что жизнь — проклятый ад!
 О, я была уверена,
 Что ты придешь назад.

6 февраля 1911
Царское Село

* * *

Как соломинкой, пьешь мою душу.
 Знаю, вкус ее горек и хмелен.
 Но я пытку мольбой не нарушу.
 О, покой мой многонеделен.

Когда кончишь, скажи. Не печально,
 Что души моей нет на свете.
 Я пойду дорогой недалней
 Посмотреть, как играют дети.

На кустах зацветает крыжовник,
 И везут кирпичи за оградой.
 Кто ты: брат мой или любовник,
 Я не помню, и помнить не надо.

Как светло здесь и как бесприютно,
Отдыхает усталое тело...
А прохожие думают смутно:
Верно, только вчера овдовела.

10 февраля 1911
Царское Село

* * *

Три раза пытаться приходила.
Я с криком тоски просыпалась
И видела тонкие руки
И темный насмешливый рот.
«Ты с кем на заре целовалась,
Клялась, что погибнешь в разлуке,
И жгучую радость таила,
Рыдая у черных ворот?
Кого ты на смерть проводила,
Тот скоро, о, скоро умрет».
Был голос как крик ястребиный,
Но странно на чей-то похожий.
Все тело мое изгибалось,
Почувствовав смертную дрожь,
И плотная сеть паутины
Упала, окутала ложе...
О, ты не напрасно смеялась,
Моя непрощенная ложь!

16 февраля 1911
Царское Село

* * *

Дверь полуоткрыта,
Веют липы сладко...
На столе забыты
Хлыстик и перчатка.

Круг от лампы желтый...
Шорохам внимаю.
Отчего ушел ты?
Я не понимаю...

Радостно и ясно
Завтра будет утро.
Эта жизнь прекрасна,
Сердце, будь же мудро.

Ты совсем устало,
Бьешься тише, глуше...
Знаешь, я читала,
Что бессмертны души.

17 февраля 1911
Царское Село

ПОДРАЖАНИЕ И. Ф. АННЕНСКОМУ

И с тобой, моей первой причудой,
Я простился. Чернела вода.
Просто молвила: «Я не забуду».
Я так странно поверил тогда.

Возникают, стираются лица,
Мил сегодня, а завтра далек.
Отчего же на этой странице
Я когда-то загнул уголок?

И всегда открывается книга
В том же месте. Не знаю, зачем!
Я люблю только радости мига
И цветы голубых хризантем.

О, сказавший, что сердце из камня,
Знал наверно: оно из огня...
Никогда не пойму, ты близка мне
Или только любила меня.

20 февраля 1911

* * *

По аллее проводят лошадок.
Длинные волны расчесанных грив.
О, пленительный город загадок,
Я печальна, тебя полюбив.

Странно вспомнить: душа тосковала,
Задыхалась в предсмертном бреду.
А теперь я игрушечной стала,
Как мой розовый друг какаду.

Грудь предчувствием боли не сжата,
Если хочешь, в глаза погляди.
Не люблю только час пред закатом,
Ветер с моря и слово «уйди».

22 февраля 1911
Царское Село

* * *

Я пришла сюда, бездельница,
Все равно мне, где скучать!
На пригорке дремлет мельница.
Годы можно здесь молчать.

Над засохшей повиликою
Мягко плавает пчела;
У пруда русалку кликаю,
А русалка умерла.

Затянулся ржавой тиною
Пруд широкий, обмелел,
Над трепещущей осиною
Легкий месяц заблестел.

Замечаю все как новое.
Влажно пахнут тополя.
Я молчу. Молчу, готовая
Снова стать тобой, земля.

23 февраля 1911
Царское Село

* * *

Шелестит о прошлом старый дуб.
Лунный луч лениво протянулся.
Я твоих благословенных губ
Никогда мечтою не коснулся.

Бледный лоб чадрой лиловой сжат.
Ты со мною. Тихая, больная.
Пальцы холодеют и дрожат,
Тонкость рук твоих припоминая.

Я молчал так много тяжких лет.
Пытка встреч еще неотвратима.
Как давно я знаю твой ответ:
Я люблю и не была любима.

Февраль 1911

НАДПИСЬ НА НЕОКОНЧЕННОМ ПОРТРЕТЕ

О, не вздыхайте обо мне,
Печаль преступна и напрасна,
Я здесь, на сером полотне,
Возникла странно и неясно.

Взлетевших рук излом больной,
В глазах улыбка исступленья,
Я не могла бы стать иной
Пред горьким часом наслажденья

Он так хотел, он так велел
Словами мертвыми и злыми.
Мой рот тревожно заалел,
И щеки стали снеговыми.

И нет греха в его вине,
Ушел, глядит в глаза другие,
Но ничего не снится мне
В моей предсмертной летаргии.

Февраль 1911

* * *

Я живу, как кукушка в часах,
Не завидую птицам в лесах.
Заведут — и кукую.

Знаешь, долю такую
Лишь врагу
Пожелать я могу.

7 марта 1911
Царское Село

ПЕСЕНКА

Я на солнечном восходе
Про любовь пою,
На коленях в огороде
Лебеду пою.

Вырываю и бросаю —
Пусть простит меня.
Вижу, девочка босая
Плачет у плетня.

Страшно мне от звонких воплей
Голоса беды,
Все сильнее запах теплый
Мертвой лебеды.

Будет камень вместо хлеба
Мне наградой алой.
Надо мною только небо,
А со мною голос твой.

11 марта 1911
Царское Село

* * *

Я сошла с ума, о мальчик странный,
В среду, в три часа!
Уколола палец безымянный
Мне звенящая оса.

Я ее нечаянно прижала,
И, казалось, умерла она,
Но конец отравленного жала
Был острей веретена.

О тебе ли я заплачу, странном,
Улыбнется ль мне твое лицо?²
Посмотри! На пальце безымянном
Так красиво гладкое кольцо.

18—19 марта 1911
Царское Село

* * *

Снова со мной ты. О мальчик-игрушка!
Буду ли нежной опять, как сестра?²
В старых часах притаилась кукушка.
Выглянет скоро. И скажет: «Пора».

Чутко внимаю безумным рассказам.
Не научился ты только молчать.
Знаю, таким вот, как ты, сероглазым
Весело жить и легко умирать.

Март 1911
Царское Село

РЫБАК

Руки голы выше локтя,
А глаза синей, чем лед.
Едкий, душный запах дегтя,
Как загар, тебе идет.

И всегда, всегда распахнут
Ворот куртки голубой,
И рыбачки только ахнут,
Закрасневшись пред тобой.

Даже девочка, что ходит
В город продавать камсу,
Как потерянная бродит
Вечерами на мысу.

Щеки бледны, руки слабы,
Истомленный взор глубок,
Ноги ей щекочут крабы,
Выползая на песок.

Но она уже не ловит
Их протянутой рукой.
Все сильней биенье крови
В теле, раненном тоской.

23 апреля 1911

* * *

Вере Ивановой-Шварсалон

Туманом легким парк наполнился,
И вспыхнул на воротах газ.
Мне только взгляд один запомнился
Незнающих, спокойных глаз.

Твоя печаль, для всех неаяная,
Мне сразу сделалась близка,
И поняла ты, что отравная
И душная во мне тоска.

Я этот день люблю и праздную,
Приду, как только позовешь.
Меня, и грешную и праздную,
Лишь ты одна не упрекнешь.

Апрель 1911

[А.А. СМИРНОВУ]

Когда умрем, темней не станет,
А станет, может быть, светлей.

*1911 Май
Париж*

* * *

Высоко в небе облачко серело,
Как беличья расстеленная шкурка.
Он мне сказал: «Не жаль, что ваше тело
Растает в марте, хрупкая Снегурка!»

В пушистой муфте руки холодели.
 Мне стало страшно, стало как-то смутно.
 О, как вернуть вас, быстрые недели
 Его любви, воздушной и минутной!

Я не хочу ни горечи, ни мщенья,
 Пускай умру с последней белой вьюгой.
 О нем гадала я в канун Крещенья.
 Я в январе была его подругой.

Весна 1911
Царское Село

* * *

Сердце к сердцу не приковано,
 Если хочешь — уходи.
 Много счастья уготовано
 Тем, кто волен на пути.

Я не плачу, я не жалеюсь,
 Мне счастливой не бывать.
 Не целуй меня, усталую, —
 Смерть придет поцеловать.

Дни томлений острых прожиты
 Вместе с белою зимой.
 Отчего же, отчего же ты
 Лучше, чем избранник мой?

Весна 1911

* * *

Я и плакала и каялась,
 Хоть бы с неба грянул гром!
 Сердце темное измаялось
 В нежилом доме твоём,
 Боль я знаю нестерпимую,
 Стыд обратного пути...
 Страшно, страшно к нелюбимому,
 Страшно к тихому войти.
 А склонюсь к нему нарядная,
 Ожерельями звеня, —

Только спросит: «Ненаглядная!
Где молилась за меня?»

Весна 1911

* * *

Мне с тобою пьяным весело —
Смысла нет в твоих рассказах.
Осень ранняя развесила
Флаги желтые на вязах.

Оба мы в страну обманную
Забрели и горько каемся,
Но зачем улыбкой странною
И застывшей улыбаемся?

Мы хотели муки жалящей
Вместо счастья безмятежного...
Не покину я товарища
И беспутного и нежного.

Май — июль 1911
Париж

* * *

...А там мой мраморный двойник,
Поверженный под старым кленом,
Озерным водам отдал лик,
Внимает шорохам зеленым.

И моют светлые дожди
Его запекшуюся рану...
Холодный, белый, подожди,
Я тоже мраморною стану.

Первая половина 1911

* * *

Целый день провела у окошка
И томилась: «Скорей бы гроза».
Раз у дикой затравленной кошки
Я заметил такие глаза.

Верно, тот, кого ждешь, не вернется,
И последние сроки прошли.
Душный зной, словно олово, льется
От небес до иссохшей земли.

Ты тоской только сердце измучишь,
Глядя в серую тусклую мглу.
И мне кажется — вдруг замячишь,
Изгибаясь на грязном полу.

Лето 1911
Слепнево

ПОХОРОНЫ

Я места ищу для могилы.
Не знаешь ли, где светлей?
Так холодно в поле. Унылы
У моря груды камней.

А она привыкла к покою
И любит солнечный свет.
Я келью над ней построю,
Как дом наш на много лет.

Между окнами будет дверца,
Лампадку внутри зажжем,
Как будто темное сердце
Алым горит огнем.

Она бредила, знаешь, больная,
Про иной, про небесный край,
Но сказал монах, укоряя:
«Не для вас, не для грешных рай».

И тогда, побелев от боли,
Прошептала: «Уйду с тобой».
Вот одни мы теперь, на воле,
И у ног голубой приборой.

22 сентября 1911
Царское Село

* * *

Под навесом темной риги жарко,
 Я смеюсь, а в сердце злобно плачу.
 Старый друг бормочет мне: «Не каркай!
 Мы ль не встретим на пути удачу!»

Но я другу старому не верю.
 Он смешной, незрячий и убогий,
 Он всю жизнь свою шагами мерил
 Длинные и скучные дороги.

И звенит, звенит мой голос ломкий,
 Звонкий голос не узнавших счастья:
 «Ах, пусты дорожные котомки,
 А на завтра голод и ненастье!»

24 сентября 1911
Царское Село

* * *

Смутный отрок бродил по аллеям,
 У озерных грустил берегов,
 И столетие мы лелеем
 Еле слышный шелест шагов.

Иглы сосен густо и колко
 Устилают низкие пни...
 Здесь лежала его треуголка
 И растрепанный том Парни.

24 сентября 1911
Царское Село

ПЕСНЯ ПОСЛЕДНЕЙ ВСТРЕЧИ

Так беспомощно грудь холодела,
 Но шаги мои были легки.
 Я на правую руку надела
 Перчатку с левой руки.

Показалось, что много ступеней,
 А я знала — их только три!
 Между кленов шепот осенний
 Попросил: «Со мною умри!»

Я обманут моей унылой,
Переменчивой, злой судьбой».
Я ответила «Милый, милый!
И я тоже. Умру с тобой...»

Это песня последней встречи.
Я взглянула на темный дом.
Только в спальне горели свечи
Равнодушно-желтым огнем.

29 сентября 1911
Царское Село

МУЗЕ

Муза-сестра заглянула в лицо,
Взгляд ее ясен и ярок.
И отняла золотое кольцо,
Первый весенний подарок.

Муза! ты видишь, как счастливы все —
Девушки, женщины, вдовы...
Лучше погибну на колесе,
Только не эти оковы.

Знаю: гадая, и мне обрывать
Нежный цветок маргаритку.
Должен на этой земле испытать
Каждый любовную пытку.

Жгу до зари на окошке свечу
И ни о ком не тоскую,
Но не хочу, не хочу, не хочу
Знать, как целуют другую.

Завтра мне скажут, смеясь, зеркала:
«Взор твой не ясен, не ярк...»
Тихо отвечу: «Она отняла
Божий подарок».

10 ноября 1911
Царское Село

ЛЮБОВЬ

То змейкой, свернувшись клубком,
У самого сердца колдует,
То целые дни голубком
На белом окошке воркует,

То в инее ярком блеснет,
Почудится в дреме левкоя...
Но верно и тайно ведет
От радости и от покоя.

Умеет так сладко рыдать
В молитве тоскующей скрипки,
И страшно ее угадать
В еще незнакомой улыбке.

*24 ноября 1911
Царское Село*

* * *

И мальчик, что играет на волынке,
И девочка, что свой плетет венок,
И две в лесу скрестившихся тропинки,
И в дальнем поле дальний огонек, —

Я вижу все. Я все запоминаю,
Любовно-кротко в сердце берегу.
Лишь одного я никогда не знаю
И даже вспомнить больше не могу.

Я не прошу ни мудрости, ни силы.
О, только дайте греться у огня!
Мне холодно... Крылатый иль бескрылый,
Веселый бог не посетит меня.

*30 ноября 1911
Царское Село*

* * *

Меня покинул в новолунье
Мой друг любимый. Ну так что ж!
Шутил: «Канатная плясунья!
Как ты до мая доживешь?»

Ему ответила, как брату,
Я, не ревнуя, не ропща,
Но не заменят мне утрату
Четыре новые плаща.

Пусть страшен путь мой, пусть опасен,
Еще страшнее путь тоски...
Как мой китайский зонтик красен,
Натерты мелом башмачки!

Оркестр веселое играет,
И улыбаются уста.
Но сердце знает, сердце знает,
Что ложа пятая пуста!

Ноябрь 1911
Царское Село

* * *

Любовь покоряет обманно,
Напевом простым, неискусным.
Еще так недавно-странно
Ты не был седым и грустным.

И когда она улыбалась
В садах твоих, в доме, в поле,
Повсюду тебе казалось,
Что вольный ты и на воле.

Был светел ты, взятый ею
И пивший ее отравы.
Ведь звезды были крупнее,
Ведь пахли иначе травы,
Осенние травы.

Осень 1911
Царское Село

* * *

Словно тяжким огромным молотом
Раздробили слабую грудь.
Откупиться бы ярким золотом, —
Только раз, только раз вздохнуть!

Приподняться бы над подушками,
 Снова видеть широкий пруд,
 Снова видеть, как над верхушками
 Сизых елей тучи плывут.
 Все приму я: боль и отчаянье,
 Даже жалости острие.
 Только пыльный свой плащ раскаянья
 Не клади на лицо мое!

Осень 1911

* * *

Муж хлестал меня узорчатым,
 Вдвое сложенным ремнем.
 Для тебя в окошке створчатом
 Я всю ночь сижу с огнем.

Рассветает. И над кузницей
 Подымается дымок.
 Ах, со мной, печальной узницей,
 Ты опять побыть не мог.

Для тебя я долю хмурую,
 Долю-муку приняла.
 Или любишь белокурую,
 Или рыжая мила?

Как мне скрыть вас, стоны звонкие?
 В сердце темный, душный хмель,
 А лучи ложатся тонкие
 На несмятую постель.

Осень 1911

ОТРЫВОК

...И кто-то, во мраке дерев незримый,
 Зашуршал опавшей листвою
 И крикнул: «Что сделал с тобой любимый
 Что сделал любимый твой!

Словно тронуты черной, густою тушью
 Тяжелые веки твои.

Он предал тебя тоске и удушью
Отравительницы-любви.

Ты давно перестала считать уколы —
Грудь мертва под острой иглой.
И напрасно стараешься быть веселой —
Легче в гроб тебе лечь живой!..»

Я сказала обидчику: «Хитрый, черный,
Верно, нет у тебя стыда.
Он тихий, он нежный, он мне покорный,
Влюбленный в меня навсегда!»

26 декабря 1911

ИСПОВЕДЬ

Умолк простивший мне грехи.
Лиловый сумрак гасит свечи,
И темная эпитрахиль
Накрыла голову и плечи.

Не тот ли голос: «Дева! встань...»
Удары сердца чаще, чаще.
Прикосновение сквозь ткань
Руки, рассеянно крестьящей.

*1911
Царское Село*

САД

Он весь сверкает и хрустит,
Обледеный сад.
Ушедший от меня грустит,
Но нет пути назад.

И солнца бледный тусклый лик —
Лишь круглое окно;
Я тайно знаю, чей двойник
Приник к нему давно.

Здесь мой покой навеки взят
Предчувствием беды,

Сквозь тонкий лед еще сквозят
Вчерашние следы.

Склонился тусклый мертвый лик
К немому сну полей,
И замирает острый крик
Отсталых журавлей.

1911

Царское Село

НАД ВОДОЙ

Стройный мальчик пастушок,
Видишь, я в бреду.
Помню плащ и посошок,
На свою беду.
Если встану — упаду.
Дудочка поет: ду-ду!

Мы прощались, как во сне,
Я сказала: «Жду».
Он, смеясь, ответил мне:
«Встретимся в аду».
Если встану — упаду.
Дудочка поет: ду-ду!

О глубокая вода
В мельничном пруду,
Не от горя, от стыда
Я к тебе приду.
И без крика упаду,
А вдали звучит: ду-ду.

<Апрель 1911>

* * *

В углу старик, похожий на барана,
Внимательно читает «Фигаро».
В моей руке просохшее перо,
Идти домой еще как будто рано.

Тебе велела я, чтоб ты ушел.
Мне сразу все твои глаза сказали...

Опилки густо устилают пол,
И пахнет спиртом в полукруглой зале.

И это юность — светлая пора
.....
Да лучше б я повесилась вчера
Или под поезд бросилась сегодня.

<Май — июль 1911?>
Париж

В ЛЕСУ

Четыре алмаза — четыре глаза,
Два свиных и два моих.
О, страшен, страшен конец рассказа
О том, как умер мой жених.

Лежу в траве я, густой и влажной,
Бессвязно-звонки мои слова,
А сверху смотрит такую важной,
Их чутко слушает сова.

Нас ели тесно обступили,
Над ними небо — черный квадрат.
Ты знаешь, знаешь, его убили,
Его убил мой старший брат —

Не на кровавом поединке
И не в сраженьи, не на войне,
А на пустынной лесной тропинке,
Когда влюбленный шел ко мне.

<Апрель 1911>

* * *

Мне больше ног моих не надо,
Пусть превратятся в рыбий хвост!
Плыву, и радостна прохлада,
Белеет тускло дальний мост.

Не надо мне души покорной,
Пусть станет дымом, легок дым,
Взлетев над набережной черной,
Он будет нежно-голубым.

Смотри, как глубоко ныряю,
Держусь за водоросль рукой,
Ничьих я слов не повторяю
И не пленюсь ничьей тоской...

А ты, мой дальний, неужели
Стал бледен и печально-нем?
Что слышу? Целых три недели
Все шепчешь: «Бедная, зачем?!»

<12 февраля 1911
Царское Село>

* * *

.....
...И там колеблется камыш
Под легкою рукой русалки.
Мы с ней смеемся ввечеру
Над тем, что умерло, но было,
Но эту странную игру
Я так покорно полюбила...

<После 13 июля ст. ст.
до середины августа> 1911
Слепнево

* * *

Мурка, не ходи, там сыч
На подушке вышит,
Мурка серый, не мурлычъ,
Дедушка услышит.
Няня, не горит свеча,
И скребутся мыши.
Я боюсь того сыча,
Для чего он вышит?

191<?>

1912

БЕССОННИЦА

Где-то кошки жалобно мяукают,
Звук шагов я издали ловлю...
Хорошо твои слова баюкают:
Третий месяц я от них не сплю.

Ты опять, опять со мной, бессонница!
Неподвижный лик твой узнаю.
Что, красавица, что, беззаконница,
Разве плохо я тебе пою?

Окна тканью белою завешены,
Полумрак струится голубой...
Или дальней вестью мы утешены?
Отчего мне так легко с тобой?

*1912. Начало года
Царское Село*

* * *

Безвольно пощады просят
Глаза. Что мне делать с ними,
Когда при мне произносят
Короткое, звонкое имя?

Иду по тропинке в поле
Вдоль серых сложенных бревен.
Здесь легкий ветер на воле
По-весеннему свеж, неровен.

И томное сердце слышит
 Тайную весть о дальнем.
 Я знаю: он жив, он дышит,
 Он смеет быть не печальным.

*1912. Начало года
 Царское Село*

* * *

Ф. К. Сологубу

Твоя свирель над тихим миром пела,
 И голос смерти тайно вторил ей,
 А я, безвольная, томилась и пьянела
 От сладостной жестокости твоей.

*16 марта 1912
 Царское Село*

* * *

Слаб голос мой, но воля не слабеет,
 Мне даже легче стало без любви.
 Высоко небо, горный ветер веет,
 И непорочны помыслы мои.

Ушла к другим бессонница-сиделка,
 Я не томлюсь над серою золой,
 И башенных часов кривая стрелка
 Смертельной мне не кажется стрелой.

Как прошлое над сердцем власть теряет!
 Освобожденье близко. Все прощу,
 Следя, как луч взбегает и сбегает
 По влажному весеннему плещу.

*Апрель 1912
 Оспедалетти*

* * *

Здесь все то же, то же, что и прежде,
 Здесь напрасным кажется мечтать.
 В доме, у дороги непроезжей,
 Надо рано ставни запирасть.

Тихий дом мой пуст и неприветлив,
Он на лес глядит одним окном,
В нем кого-то вынули из петли
И бранили мертвого потом.

Был он грустен или тайно-весел,
Только смерть — большое торжество.
На истертом красном плюше кресел
Изредка мелькает тень его.

И часы с кукушкой ночи рады,
Все слышней их четкий разговор.
В щелочку смотрю я: конокрады
Зажигают под холмом костер.

И, пророча близкое ненастье,
Низко, низко стелется дымок.
Мне не страшно. Я ношу на счастье
Темно-синий шелковый шнурок.

Май 1912
Флоренция

* * *

Помолись о нищей, о потерянной,
О моей живой душе,
Ты, в своих путях всегда уверенный,
Свет узревший в шалаше.

И тебе, печально-благодарная,
Я за это расскажу потом,
Как меня томила ночь угарная,
Как дышало утро льдом.

В этой жизни я немного видела,
Только пела и ждала.
Знаю: брата я не ненавидела
И сестры не предала.

Отчего же Бог меня наказывал
 Каждый день и каждый час?
 Или это Ангел мне указывал
 Свет, невидимый для нас?

Май 1912
Флоренция

* * *

Я научилась просто, мудро жить,
 Смотреть на небо и молиться Богу,
 И долго перед вечером бродить,
 Чтоб утомить ненужную тревогу.

Когда шуршат в овраге лопухи
 И никнет гроздь рябины желто-красной,
 Слагаю я веселые стихи
 О жизни тленной, тленной и прекрасной.

Я возвращаюсь. Лижет мне ладонь
 Пушистый кот, мурлыкает умильной,
 И яркий загорается огонь
 На башенке озерной лесопильни.

Лишь изредка прорезывает тишь
 Крик аиста, слетевшего на крышу.
 И если в дверь мою ты постучишь,
 Мне кажется, я даже не услышу.

Май 1912
Флоренция <?>

* * *

Стал мне реже сниться, слава Богу,
 Больше не мерещится везде.
 Лег туман на белую дорогу,
 Тени побежали по воде.

И весь день не замолкали звоны
 Над простором вспаханной земли,
 Здесь всего сильнее от Ионы
 Колокольни лаврские вдали.

Подстригаю на кустах сирени
Ветки те, что нынче отцвели;
По валам старинных укреплений
Два монаха медленно прошли.

Мир родной, понятный и телесный
Для меня, незрячей, оживи.
Исцелил мне душу Царь Небесный
Ледяным покоем нелюбви.

После 17 мая 1912
Киев

ВЕНЕЦИЯ

Золотая голубятня у воды,
Ласковой и млеюще-зеленой;
Заметают ветерок соленый
Черных лодок узкие следы.

Столько нежных, странных лиц в толпе.
В каждой лавке яркие игрушки:
С книгой лев на вышитой подушке,
С книгой лев на мраморном столбе.

Как на древнем, выцветшем холсте,
Стынет небо тускло-голубое...
Но не тесно в этой тесноте
И не душно в сырости и зное.

Август 1912
Слепнево

* * *

«Я пришла тебя сменить, сестра,
У лесного, у высокого костра.

Поседали твои волосы. Глаза
Замутила, затуманила слеза.

Ты уже не понимаешь пенья птиц,
Ты ни звезд не замечаешь, ни зарниц.

И давно удары бубна не слышны,
А я знаю, ты боишься тишины.

Я пришла тебя сменить, сестра,
У лесного, у высокого костра».

«Ты пришла меня похоронить.
Где же заступ твой, где лопата?
Только флейта в руках твоих.
Я не буду тебя винить,
Разве жаль, что давно, когда-то,
Навсегда мой голос затих.

Мои одежды надень,
Позабудь о моей тревоге,
Дай ветру кудрями играть.
Ты пахнешь, как пахнет сирень,
А пришла по трудной дороге,
Чтобы здесь озаренной стать».

И одна ушла, уступая,
Уступая место другой.
И неверно брела, как слепая,
Незнакомой узкой тропой.

И все чудилось ей, что пламя
Близко... бубен держит рука.
И она как белое знамя,
И она как свет маяка.

24 октября 1912
Царское Село

* * *

Н. Г<умилеву>

В ремешках пенал и книги были,
Возвращалась я домой из школы.
Эти липы, верно, не забыли
Нашей встречи, мальчик мой веселый
Только, ставши лебедем надменным,
Изменился серый лебеденок.
А на жизнь мою лучом нетленным
Грусть легла, и голос мой незвонок.

Октябрь 1912
Царское Село

* * *

Загорелись иглы венчика
 Вкруг безоблачного лба.
 Ах! Улыбчивого птенчика
 Подарила мне судьба.

Октябрь 1912

* * *

Протертый коврик под иконой,
 В прохладной комнате темно,
 И густо плющ темно-зеленый
 Завил широкое окно.

От роз струится запах сладкий,
 Трещит лампадка, чуть горя.
 Пестро расписаны укладки
 Рукой любовной кустаря.

И у окна белеют пальцы...
 Твой профиль тонок и жесток.
 Ты зацелованные пальцы
 Брезгливо прячешь под платок.

А сердцу стало страшно биться,
 Такая в нем теперь тоска...
 И в косах спутанных таится
 Чуть слышный запах табака.

14 ноября 1912

* * *

Дал Ты мне молодость трудную.
 Столько печали в пути.
 Как же мне душу скудную
 Богатой Тебе принести?
 Долгую песню, льстивая,
 О славе поет судьба.
 Господи! я нерадивая,
 Твоя скупая раба.

Ни розою, ни былинкою
 Не буду в садах Отца.
 Я дрожу над каждой соринкою,
 Над каждым словом глупца.

19 декабря 1912
 Вечер

* * *

М. Лозинскому

Он длится без конца — янтарный, тяжкий день!
 Как невозможна грусть, как тщетно ожиданье!
 И снова голосом серебряным олень
 В зверинце говорит о северном сиянье.

И я поверила, что есть прохладный снег
 И синяя купель для тех, кто нищ и болен,
 И санок маленьких такой неверный бег
 Под звоны древние далеких колоколен.

1912

* * *

Умирая, томлюсь о бессмертье.
 Низко облако пыльной мглы...
 Пусть хоть голые красные черти,
 Пусть хоть чан зловонной смолы!

Приползайте ко мне, лукавьте,
 Угрозы из ветхих книг,
 Только память вы мне оставьте,
 Только память в последний миг.

Чтоб в томительной веренице
 Не чужим показался ты,
 Я готова платить сторицей
 За улыбки и за мечты.

Смертный час, наклонясь, напоит
 Прозрачную сулемой.
 А люди придут, зарюют
 Мое тело и голос мой.

1912
 Царское Село

* * *

Ты письмо мое, милый, не комкай,
 До конца его, друг, прочти.
 Надоело мне быть незнакомкой,
 Быть чужой на твоём пути.

Не гляди так, не хмурься гневно.
 Я любимая, я твоя.
 Не пастушка, не королева
 И уже не монашенка я —

В этом сером, будничном платье,
 На стоптанных каблуках...
 Но, как прежде, жгуче объятье,
 Тот же страх в огромных глазах.

Ты письмо мое, милый, не комкай,
 Не плачь о заветной лжи,
 Ты его в своей бедной котомке
 На самое дно положи.

1912
Царское Село

* * *

Потускнел на небе синий лак,
 И слышнее песня окраины.
 Это только дудочка из глины.
 Не на что ей жаловаться так.
 Кто ей рассказал мои грехи
 И зачем она меня прощает?..
 Или этот голос повторяет
 Мне твои последние стихи?

1912

* * *

Еще к этому добавим
 Самочиркой золотой,
 Что Аничкова прославим
 Сердцем всем и всей душой.

1912 <?>

* * *

Ты поверь, не змеиное острое жало,
 А тоска мою выпила кровь.
 В белом поле я тихую девушкой стала,
 Птичьим голосом кличу любовь.

И давно мне закрыта дорога иная,
 Мой царевич в высоком кремле.
 Обману ли его, обману ли? — Не знаю!
 Только ложью живу на земле.

Не забыть, как пришел он со мною проститься.
 Я не плакала: это судьба.
 Ворожу, чтоб царевичу ночью присниться,
 Но бессильна моя ворожба.

Оттого ль его сон безмятежен и мирен,
 Что я здесь у закрытых ворот,
 Иль уже светлоокая, нежная Сирин
 Над царевичем песню поет?

<27 февраля> 1912

* * *

Сегодня мне письма не принесли:
 Забыл он написать, или уехал;
 Весна как трель серебряного смеха,
 Качаются в заливе корабли.
 Сегодня мне письма не принесли...

Он был со мной еще совсем недавно,
 Такой влюбленный, ласковый и мой,
 Но это было белою зимой,
 Теперь весна, и грусть весны отравна,
 Он был со мной еще совсем недавно...

Я слышу: легкий трепетный смычок,
 Как от предсмертной боли, бьется, бьется,
 И страшно мне, что сердце разорвется,
 Не допишу я этих нежных строк...

<27 февраля> 1912

* * *

Как вплелась в мои темные косы
 Серебристая нежная прядь, —
 Только ты, соловей безголосый,
 Эту муку сумеешь понять.

Чутким ухом далекое слышишь
 И на тонкие ветки раки,т
 Весь наохлившись, смотришь — не дышишь,
 Если песня чужая звучит.

А еще так недавно, недавно
 Замирали вокруг тополя,
 И звенела и пела отравно
 Несказанная радость твоя.

<22 октября> 1912

* * *

Приходи на меня посмотреть.
 Приходи. Я живая. Мне больно.
 Этих рук никому не согреть,
 Эти губы сказали: «Довольно!»

Каждый вечер подносят к окну
 Мое кресло. Я вижу дороги.
 О, тебя ли, тебя ль упрекну
 За последнюю горечь тревоги!

Не боюсь на земле ничего,
 В задыханьях тяжелых бледнея.
 Только ночи страшны оттого,
 Что глаза твои вижу во сне я.

<Ноябрь> 1912

1913

* * *

Все мы бражники здесь, блудницы,
Как невесело вместе нам!
На стенах цветы и птицы
Томятся по облакам.

Ты куришь черную трубку,
Так странен дымок над ней.
Я надела узкую юбку,
Чтоб казаться еще стройней.

Навсегда забиты окошки:
Что там, изморозь или гроза?
На глаза осторожной кошки
Похожи твои глаза.

О, как сердце мое тоскует!
Не смертельного ль часа жду?
А та, что сейчас танцует,
Непременно будет в аду.

1 января 1913

* * *

О, это был прохладный день
В чудесном городе Петровом!
Лежал закат костром багровым,
И медленно густела тень.

Ты только тронул грудь мою,
Как лиру трогали поэты,
Чтоб слышать краткие ответы
На требовательное «люблю!».

Тебе не надо глаз моих,
 Пророческих и неизменных,
 Но за стихом ты ловишь стих,
 Молитвы губ моих надменных.

Зима 1913
Царское Село

* * *

Я так молилась: «Утоли
 Глухую жажду песнопенья!»
 Но нет земному от земли
 И не было освобожденья.

Как дым от жертвы, что не мог
 Взлететь к престолу Сил и Славы,
 А только стелется у ног,
 Молитвенно целуя травы, —

Так я, Господь, простерта ниц:
 Коснется ли огонь небесный
 Моих сомкнувшихся ресниц
 И немоты моей чудесной?

Зима 1913
Царское Село

ВЕЧЕРОМ

Звенела музыка в саду
 Таким невыразимым горем.
 Свежо и остро пахли морем
 На блюде устрицы во льду.

Он мне сказал: «Я верный друг!»
 И моего коснулся платья.
 Как не похожи на объятья
 Прикосновенья этих рук.

Так гладят кошек или птиц,
 Так на наездниц смотрят стройных...
 Лишь смех в глазах его спокойных
 Под легким золотом ресниц.

А скорбных скрипок голоса
 Поют за стелющимся дымом:
 «Благослови же небеса —
 Ты первый раз одна с любимым».

Март 1913

ПРОГУЛКА

Перо задело о верх экипажа.
 Я поглядела в глаза его.
 Томилось сердце, не зная даже
 Причины горя своего.

Безветрен вечер и грустью скован
 Под сводом облачных небес,
 И словно тушью нарисован
 В альбоме старом Булонский лес.

Бензина запах и сирени,
 Насторожившийся покой...
 Он снова тронул мои колени
 Почти не дрогнувшей рукой.

Май 1913

* * *

Ты пришел меня утешить, милый,
 Самый нежный, самый кроткий...
 От подушки приподняться нету силы,
 А на окнах частые решетки.

Мертвой, думал, ты меня застанешь,
 И принес веночек неискусный.
 Как улыбкой сердце больно ранишь,
 Ласковый, насмешливый и грустный.

Что теперь мне смертное томленье!
 Если ты еще со мной побудешь,
 Я у Бога вымолю прощенье
 И тебе, и всем, кого ты любишь.

Май 1913

Петербург, Крестовский Остров

ГОЛОС ПАМЯТИ

О. А. Глебовой-Судейкиной

Что ты видишь, тускло на стену смотря,
В час, когда на небе поздняя заря?

Чайку ли на синей скатерти воды
Или флорентийские сады?

Или парк огромный Царского Села,
Где тебе тревога путь пересекла?

Иль того ты видишь у своих колен,
Кто для белой смерти твой покинул плен?

Нет, я вижу стену только — и на ней
Отсветы небесных гаснущих огней.

18 июня 1913

Слепнево

* * *

Покорно мне воображенье
В изображенья серых глаз.
В моем тверском уединенья
Я горько вспоминаю Вас.

Прекрасных рук счастливый пленник
На левом берегу Невы,
Мой знаменитый современник,
Случилось, как хотели Вы,

Вы, приказавший мне: довольно,
Поди, убей свою любовь!
И вот я таю, я безвольна,
Но все сильней сучает кровь.

И если я умру, то кто же
Мои стихи напишет Вам,
Кто стать звенящими поможет
Еще не сказанным словам?

Июль 1913

Слепнево

* * *

Вечерние часы перед столом.
 Непоправимо белая страница.
 Мимоза пахнет Ниццей и теплом.
 В луче луны летит большая птица.

И, туго косы на ночь заплетя,
 Как будто завтра нужны будут косы,
 В окно гляжу я, больше не грустя,
 На море, на песчаные откосы.

Какую власть имеет человек,
 Который даже нежности не просит!
 Я не могу поднять усталых век,
 Когда мое он имя произносит.

Лето 1913
Слепнево

* * *

Знаю, знаю — снова лыжи
 Сухо заскрипят.
 В синем небе месяц рыжий,
 Луг так сладостно покат.

Во дворце горят окошки,
 Тишиной удалены.
 Ни тропинки, ни дорожки,
 Только проруби темны.

Ива, дерево русалок,
 Не мешай мне на пути!
 В снежных ветках черных галок,
 Черных галок приюти.

Октябрь 1913
Царское Село

8 НОЯБРЯ 1913

Солнце комнату наполнило
 Пылью желтой и сквозной.
 Я проснулась и припомнила:
 Милый, нынче праздник твой.

Оттого и оснеженная
 Даль за окнами тепла,
 Оттого и я, бессонная,
 Как причастница спала.

8 <?> ноября 1913

* * *

Высокие своды костела
 Синей, чем небесная твердь...
 Прости меня, мальчик веселый,
 Что я принесла тебе смерть —

За розы с площадки круглой,
 За глупые письма твои,
 За то, что, дерзкий и смуглый,
 Мутно бледнел от любви.

Я думала: ты нарочно —
 Как взрослые хочешь быть.
 Я думала: томно-порочных
 Нельзя, как невест, любить.

Но все оказалось напрасно.
 Когда пришли холода,
 Следил ты уже бесстрастно
 За мной везде и всегда,

Как будто копил приметы
 Моей нелюбви. Прости!
 Зачем ты принял обеты
 Страдальческого пути?

И смерть к тебе руки простерла...
 Скажи, что было потом?
 Я не знала, как хрупко горло
 Под синим воротником.

Прости меня, мальчик веселый,
 Совенок замученный мой!
 Сегодня мне из костела
 Так трудно уйти домой.

Ноябрь 1913

Царское Село

* * *

Не будем пить из одного стакана
 Ни воду мы, ни сладкое вино,
 Не поцелуемся мы утром рано,
 А ввечеру не поглядим в окно.
 Ты дышишь солнцем, я дышу луною,
 Но живы мы любовью одною.

Со мной всегда мой верный, нежный друг,
 С тобой твоя веселая подруга.
 Но мне понятен серых глаз испуг,
 И ты виновник моего недуга.
 Коротких мы не учащаем встреч.
 Так наш покой нам суждено беречь.

Лишь голос твой поет в моих стихах,
 В твоих стихах мое дыхание веет.
 О, есть костер, которого не смеет
 Коснуться ни забвение, ни страх,
 И если б знал ты, как сейчас мне любви
 Твои сухие, розовые губы!

Ноябрь 1913

* * *

За узором дымных стекол
 Хвойный лес под снегом бел.
 Отчего мой ясный сокол
 Не простившись улетел?

Слушаю людские речи.
 Говорят, что ты колдун.
 Стал мне узок с нашей встречи
 Голубой шушун.

А дорога до погоста
 Во сто раз длинней,
 Чем тогда, когда я просто
 Шла бродить по ней.

Ноябрь <?> 1913

* * *

Ты знаешь, я томлюсь в неволе,
 О смерти Господа моля.
 Но все мне памятна до боли
 Тверская скудная земля.

Журавль у ветхого колодца,
 Над ним, как кипень, облака,
 В полях скрипучие воротца,
 И запах хлеба, и тоска.

И те неяркие просторы,
 Где даже голос ветра слаб,
 И осуждающие взоры
 Спокойных загорелых баб.

Осень 1913
Слепнево

* * *

Плотно сомкнуты губы сухие,
 Жарко пламя трех тысяч свечей.
 Так лежала княжна Евдокия
 На душистой сапфирной парче.

И, согнувшись, бесслезно молилась
 Ей о слепеньком мальчике мать,
 И кликуша без голоса билась,
 Воздух сиясь губами поймать.

А пришедший из южного края
 Черноглазый, горбатый старик,
 Словно к двери небесного рая,
 К потемневшей ступеньке приник.

Осень 1913

* * *

В. С. Срезневской

Вместо мудрости — опытность, пресное,
 Неутоляющее питье.
 А юность была — как молитва воскресная...
 Мне ли забыть ее?

Столько дорог пустынных исхожено
С тем, кто мне не был мил,
Столько поклонов в церквах положено
За того, кто меня любил...

Стала забывчивей всех забывчивых,
Тихо плывут года.
Губ нецелованных, глаз неулыбчивых
Мне не вернуть никогда.

*Осень 1913
Царское Село*

* * *

В то время я гостила на земле.
Мне дали имя при крещении — Анна,
Сладчайшее для губ людских и слуха.
Так дивно знала я земную радость
И праздников считала не двенадцать,
А столько, сколько было дней в году.
Я, тайному велению покорна,
Товарища свободного избрав,
Любила только солнце и деревья.
Однажды поздним летом иностранку
Я встретила в лукавый час зари,
И вместе мы купались в теплом море.
Ее одежда странной мне казалась,
Еще страннее — губы, а слова —
Как звезды падали сентябрьской ночью.
И стройная меня учила плавать,
Одной рукой поддерживая тело
Неопытное на тугих волнах.
И часто, стоя в голубой воде,
Она со мной неспешно говорила,
И мне казалось, что вершины леса
Слегка шумят, или хрустит песок,
Иль голосом серебряным волынка
Вдали поет о вечере разлук.
Но слов ее я помнить не могла
И часто ночью с болью просыпалась.

Мне чудился полуоткрытый рот,
 Ее глаза и гладкая прическа.
 Как вестника небесного молила
 Я девушку печальную тогда:
 «Скажи, скажи, зачем угасла память,
 И, так томительно лаская слух,
 Ты отняла блаженство повторены!?!...»
 И только раз, когда я виноград
 В плетеную корзинку собирала,
 А смуглая сидела на траве,
 Глаза закрыв и распустивши косы,
 И томною была и утомленной
 От запаха тяжелых синих ягод
 И пряного дыханья дикой мяты, —
 Она слова чудесные вложила
 В сокровищницу памяти моей,
 И, полную корзину уронив,
 Припала я к земле сухой и душной,
 Как к милому, когда поет любовь.

Осень 1913

9 ДЕКАБРЯ 1913

Самые темные дни в году
 Светлыми стать должны.
 Я для сравнения слов не найду —
 Так твои губы нежны.

Только глаза подымать не смей,
 Жизнь мою храня.
 Первых фиалок они светлей,
 А смертельные для меня.

Вот поняла, что не надо слов,
 Оснеженные ветки легки...
 Сети уже разостлал птицелов
 На берегу реки.

*Декабрь 1913
 Царское Село*

* * *

Настоящую нежность не спутаешь
 Ни с чем, и она тиха.
 Ты напрасно бережно кутаешь
 Мне плечи и грудь в меха.
 И напрасно слова покорные
 Говоришь о первой любви.
 Как я знаю эти упорные,
 Несытые взгляды твои!

Декабрь 1913
Царское Село

* * *

Я с тобой не стану пить вино,
 Оттого что ты мальчишка озорной.
 Знаю я — у вас заведено
 С кем попало целоваться под луной.

А у нас — тишь да гладь,
 Божья благодать.

А у нас — светлых глаз
 Нет приказу подымать.

Декабрь 1913

* * *

И жар по вечерам, и утром вялость,
 И губ потрескавшихся вкус кровавый.
 Так вот она — последняя усталость,
 Так вот оно — преддверье царства славы.

Гляжу весь день из круглого окошка:
 Белеет потеплевшая ограда,
 И лебедю заросла дорожка,
 А мне б идти по ней — такая радость.

Чтобы песок хрустел и лапы елок —
 И черные и влажные — шуршали,
 Чтоб месяца бесформенный осколок
 Опять увидеть в голубом канале.

Декабрь 1913

* * *

Твой белый дом и тихий сад оставлю.
 Да будет жизнь пустынна и светла.
 Тебя, тебя в моих стихах прославлю,
 Как женщина прославить не могла.
 И ты подругу помнишь дорогую
 В тобою созданном для глаз ее раю,
 А я товаром редкостным торгую —
 Твою любовь и нежность продаю.

Зима 1913
Царское Село

ОТВЕТ

И при луне новорожденной
 Вновь зажигаю шесть свечей.

<Б. Садовской>

Я получила письмо,
 Не поверила нежным словам,
 Читала, смотрела в трюмо,
 Удивлялась себе и Вам.

В окна широкий свет
 Вплывал, и пахло зимой...
 Знаю, что Вы поэт,
 Значит, товарищ мой.

Как хорошо, что есть
 В мире луна и шесть
 Вами зажженных свеч.

Думайте обо мне,
 Я живу в западне
 И боюсь неожиданных встреч.

1913

* * *

То пятое время года,
 Только его славословь.
 Дыши последней свободой,
 Оттого что это — любовь.

Высоко небо взлетело,
 Легки очертанья вещей,
 И уже не празднует тело
 Годовщину грусти своей.

1913
 Петербург

* * *

Родилась я ни поздно, ни рано,
 Это время блаженно одно,
 Только сердцу прожить без обмана
 Было Господом не дано.

Оттого и темно в светлице,
 Оттого и друзья мои,
 Как вечерние грустные птицы,
 О небывшей поют любви.

1913

* * *

Проводила друга до передней.
 Постояла в золотой пыли.
 С колоколенки соседней
 Звуки важные текли.
 Брошена! Придуманное слово —
 Разве я цветок или письмо?
 А глаза глядят уже сурово
 В потемневшее трюмо.

1913
 Царское Село

* * *

Цветов и неживых вещей
 Приятен запах в этом доме.
 У грядок груды овощей
 Лежат, пестры, на черноземе.

Еще струится холодок,
Но с парников снята рогожа.
Там есть прудок, такой прудок,
Где тина на парчу похожа.

А мальчик мне сказал, боясь,
Совсем взволнованно и тихо,
Что там живет большой карась
И с ним большая карасиха.

1913

* * *

Каждый день по-новому тревожен,
Все сильнее запах спелой ржи.
Если ты к ногам моим положен,
Ласковый, лежи.

Иволги кричат в широких кленах,
Их ничем до ночи не унять.
Любо мне от глаз твоих зеленых
Ос веселых отгонять.

На дороге бубенец зазвякал —
Памятен нам этот легкий звук.
Я спою тебе, чтоб ты не плакал,
Песенку о вечере разлук.

1913

СТИХИ О ПЕТЕРБУРГЕ

1

Вновь Исакий в облаченьи
Из литого серебра.
Стынет в грозном нетерпеньи
Конь Великого Петра.

Ветер душный и суровый
С черных труб сметает гарь...
Ах! своей столицей новой
Недоволен государь.

2

Сердце бьется ровно, мерно.
 Что мне долгие года!
 Ведь под аркой на Галерной
 Наши тени навсегда.

Сквозь опущенные веки
 Вижу, вижу, ты со мной,
 И в руке твоей навеки
 Нераскрытый веер мой.

Оттого, что стали рядом
 Мы в блаженный миг чудес,
 В миг, когда над Летним садом
 Месяц розовый воскрес, —

Мне не надо ожиданий
 У постылого окна
 И томительных свиданий.
 Вся любовь утолена.

Ты свободен, я свободна,
 Завтра лучше, чем вчера, —
 Над Невою темноводной,
 Под улыбкою холодной
 Императора Петра.

1913

* * *

О тебе вспоминаю я редко
 И твоей не пленяюсь судьбой,
 Но с души не стирается метка
 Незначительной встречи с тобой.

Красный дом твой нарочно миную,
 Красный дом твой над мутной рекой,
 Но я знаю, что горько волную
 Твой пронизанный солнцем покой.

Пусть не ты над моими устами
 Наклонялся, моля о любви.
 Пусть не ты золотыми стихами
 Обессмертил томленья мои —

Я над будущим тайно колдую,
Если вечер совсем голубой,
И предчувствую встречу вторую,
Неизбежную встречу с тобой.

1913

* * *

Как страшно изменилось тело,
Как рот измученный поблёк!
Я смерти не такой хотела,
Не этот назначала срок.
Казалось мне, что туча с тучей
Сшибется где-то в вышине
И молнии огонь летучий
И голос радости могучей,
Как Ангелы, сойдут ко мне.

1913

* * *

На шее мелких четок ряд,
В широкой муфте руки прячу,
Глаза рассеянно глядят
И больше никогда не плачут.

И кажется лицо бледней
От лилового шелка,
Почти доходит до бровей
Моя незавитая челка.

И непохожа на полет
Походка медленная эта,
Как будто под ногами плот,
А не квадратики паркета.

А бледный рот слегка разжат,
Неровно трудное дыханье,
И на груди моей дрожат
Цветы небывшего свиданья.

1913

* * *

Столько просьб у любимой всегда!
У разлюбленной просьб не бывает.
Как я рада, что нынче вода
Под бесцветным ледком замирает.

И я стану — Христос помоги! —
На покров этот, светлый и ломкий,
А ты письма мои береги,
Чтобы нас рассудили потомки,

Чтоб отчетливей и ясней
Ты был виден им, мудрый и смелый
В биографии славной твоей
Разве можно оставить пробелы?

Слишком сладко земное питье,
Слишком плотны любовные сети.
Пусть когда-нибудь имя мое
Прочитают в учебнике дети,

И, печальную повесть узнав,
Пусть они улыбнутся лукаво...
Мне любви и покоя не дав,
Подари меня горькою славой.

<Февраль> 1913

СМЯТЕНИЕ

1

Было душно от жгучего света,
А взгляды его — как лучи.
Я только вздрогнула: этот
Может меня приручить.
Наклонился — он что-то скажет...
От лица отхлынула кровь.
Пусть камнем надгробным ляжет
На жизни моей любовь.

2

Не любишь, не хочешь смотреть?
О, как ты красив, проклятый!
И я не могу взлететь,
А с детства была крылатой.
Мне очи застит туман,
Сливаются вещи и лица,
И только красный тюльпан,
Тюльпан у тебя в петлице.

3

Как велит простая учтивость,
Подошел ко мне, улыбнулся,
Полуласково, полулениво
Поцелуем руки коснулся —
И загадочных, древних ликов
На меня поглядели очи...
Десять лет замираний и криков,
Все мои бессонные ночи
Я вложила в тихое слово
И сказала его — напрасно.
Отошел ты, и стало снова
На душе и пусто и ясно.

<Февраль> 1913

* * *

Вижу выцветший флаг над таможей
И над городом желтую муть.
Вот уж сердце мое осторожней
Замирает, и больно вздохнуть.

Стать бы снова приморской девчонкой,
Туфли на босу ногу надеть,
И закладывать косы коронкой,
И взволнованным голосом петь.

Все глядеть бы на смуглые главы
Херсонесского храма с крыльца
И не знать, что от счастья и славы
Безнадежно дряхлеют сердца.

<Февраль> 1913

* * *

...И на ступеньки встретить
Не вышли с фонарем.
В неверном лунном свете
Вошла я в тихий дом.

Под лампою зеленой,
С улыбкой неживой,
Друг шепчет: «Сандрильона,
Как странен голос твой...»

В камине гаснет пламя,
Томя, трещит сверчок.
Ах! кто-то взял на память
Мой белый башмачок

И дал мне три гвоздики,
Не подымая глаз.
О милые улики,
Куда мне спрятать вас?

И сердцу горько верить,
Что близок, близок срок,
Что всем он станет мерить
Мой белый башмачок.

<Февраль> 1913

* * *

Черная вилась дорога,
Дождик моросил,
Проводить меня немного
Кто-то попросил.

Согласилась, да забыла
На него взглянуть,
А потом так странно было
Вспомнить этот путь.
Плыл туман, как фимиамы
Тысячи кадил.
Спутник песенкой упрямо
Сердце бередил.
Помню древние ворота
И конец пути —
Там со мною шедший кто-то
Мне сказал: «Прости...»
Медный крестик дал мне в руки,
Словно брат родной...
И я всюду слышу звуки
Песенки степной.
Ах, я дома как не дома —
Плачу и грущу.
Отзовись, мой незнакомый,
Я тебя ищу!

<Март> 1913

* * *

Я видел поле после града
И зачумленные стада,
Я видел грозди винограда,
Когда настали холода.

Еще я помню, как виденье,
Степной пожар в ночной тиши...
Но страшно мне опустошенье
Твоей замученной души.

Так много нищих. Будь же нищей —
Открой бесслезные глаза.
Да озарит мое жилище
Их неживая бирюза!

<Май> 1913

* * *

Ничего не скажу, ничего не открою.
Буду молча смотреть, наклонившись, в окно.
Как-то раз и меня повели к аналою,
С кем — не знаю. Но помню — давно...

Из окна моего вижу красные трубы,
А над трубами легкий клубящийся дым.
Но глаза я закрою. И нежные губы
Прикоснулись к ресницам моим.

То не сон, утешитель тревоги влюбленной,
И не тихий привет ветерка...
Это — ранивший душу взглянул напряженно,
Так ли рана, как прежде, ярка.

<Июль> 1913

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

О спутник мой неосторожный,
Мой друг ревнивый и тревожный,
Ты не пришел за мной сюда.
Сентябрь, печаль и холода,
А возвращенье невозможно
В таинственные города —
Их два, один другому равен
Суровой красотой своей
И памятью священной славен,
Улыбкой освящен твоей.
Несносен ты и своенравен,
Но почему-то всех милей.
Мне нестерпимо здесь томиться,
По четкам костяным молиться
И точно знать, что на обед
Ко мне приедет мой сосед.
Подумай, день идет за днем,
Снег выпал, к вечеру растает,
И за последним журавлем
Моя надежда улетает.
К моей тоске сосед приучен,
И часто сам вздыхает он:

«Простите, грустен я и скучен».
 А в самом деле он влюблен.
 В саду под шум берез корельских
 О днях мечтаю царскосельских,
 О долгих спорах, о стихах
 И о пленительных губах.
 Но чувствую у локтя руку
 Ведущего меня домой
 И снова слышу, что со мной
 Нельзя перенести разлуку;
 Какую страшною виной
 Я заслужила эту скуку?³
 Когда камин в гостиной топят
 И гость мой стройный не торопит
 Свою коляску подавать,
 А словно что-то вспоминая,
 Глядит на пламя не мигая,
 И я люблю припоминать...
 Уже, друзья, мою божницу
 Устали видеть вы пустой,
 И каждый новую царицу
 Подводит к двери золотой.
 А ты, конечно, всех проворней,
 Твоя избранница покорней
 Других; и скоро фимиам
 Вольней прильнет к ее ногам...
 Тогда припомни час единый,
 Вечерний удаленный час,
 И крик печали лебединой,
 И взор моих прощальных глаз.
 Мне больше ничего не надо —
 Мне это верная отрада.

<8 сентября> 1913
 Слепнево

* * *

Мальчик сказал мне: «Как это больно!»
 И мальчика очень жаль...
 Еще так недавно он был довольным
 И только слышал про печаль.

А теперь он знает все не хуже
Мудрых и старых вас.
Потускнели и, кажется, стали уже
Зрачки ослепительных глаз.

Я знаю: он с болью своей не сладит,
С горькой болью первой любви.
Как беспомощно, жадно и жарко гладит
Холодные руки мои.

<Октябрь> 1913

* * *

Здравствуй! Легкий шелест слышишь
Справа от стола?
Этих строчек не допишешь —
Я к тебе пришла.
Неужели ты обидишь
Так, как в прошлый раз, —
Говоришь, что рук не видишь,
Рук моих и глаз.
У тебя светло и просто,
Не гони меня туда,
Где под душным сводом моста
Стынет грязная вода.

<Октябрь> 1913

Царское Село

* * *

Косноязычно славивший меня
Еще топтался на краю эстрады.
От дыма сизого и тусклого огня
Мы все уйти, конечно, были рады.

Но в путаных словах вопрос зажжен,
Зачем не стала я звездой любовной,
И стыдной болью был преображен
Над нами лик жестокий и бескровный.

Люби меня, припоминай и плачь!
 Все плачущие не равны ль пред Богом?
 Мне снится, что меня ведет палач
 По голубым предутренним дорогам.

<16 ноября> 1913

* * *

Со дня Купальницы-Аграфены
 Малиновый платок хранит.
 Молчит, а ликует, как царь Давид.
 В морозной келье белы стены,
 И с ним никто не говорит.

Приду и стану на порог,
 Скажу: «Отдай мне мой платок!»

<16 ноября> 1913

Царское Село

* * *

Георгию Иванову

Бисерным почерком пишете, Lise,
 Уже не подруге, не старой тетке.
 Голуби взлетели на карниз,
 Луч заиграл на балконной решетке.

Ваше окошко опять найду
 Под веночком, длинной стрелой пронзенным.
 Как хорошо в осеннем саду!
 Как хорошо быть совсем влюбленным!

Желтое солнце светло блестит,
 Желтое платье в окне золотится...
 Знаю — она никогда не простит,
 Если осмелюсь я ей поклониться.

<Ноябрь> 1913

* * *

У меня есть улыбка одна:
Так, движенье чуть видное губ.
Для тебя я ее берегу —
Ведь она мне любовью дана.
Все равно, что ты наглый и злой,
Все равно, что ты любишь других,
Предо мной золотой аналой,
И со мной сероглазый жених.

<Ноябрь> 1913

* * *

Простишь ли мне эти ноябрьские дни?
В каналах приневских дрожат огни.
Трагической осени скудны убранства.

<Ноябрь> 1913

Петербург

ХРОНИКА ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА АННЫ АХМАТОВОЙ

1889

11 (23) июня — у отставного инженера-механика флота Андрея Антоновича Горенко и его жены Инны Эразмовны (в девичестве Стоговой) родилась дочь Анна. Место рождения — дачное предместье Одессы. Со стороны матери Анна Андреевна состояла в отдаленном родстве с Анной Буниной (1774—1829) — русской поэтессой, первый же сборник которой вызвал одобрение Г.Р. Державина, И.И. Дмитриева, И.А. Крылова и особенно А.С. Шишкова «необыкновенным даром... изображать состояние души своей...» А предком своим по материнской линии Ахматова считала легендарного ордынского хана Ахмата, от имени которого и образовала свой псевдоним.

1891

Семья Горенко переезжает в Царское Село.

1900

Анна Горенко поступает в Царско-Сельскую Мариинскую гимназию.

1903

24 декабря — знакомство в Царском Селе с поэтом Николаем Гумилевым.

1904

Пасха — Гумилевы давали бал, на котором в числе гостей первый раз была Анна Горенко. С этой весны начались регулярные встречи.

1905

Начало года — Вместе с Дмитрием Коковцевым Гумилев стал бывать в доме у Горенко. Сделал Анне первый раз предложение руки и

сердца и получил отказ: гимназистка в то время была увлечена Владимиром Голенищевым-Кутузовым.

Август — Инна Эразмовна после развода с мужем, забрав детей, переезжает в Крым.

1906

Анна, перебравшаяся в Киев к родственникам, поступает в последний класс Фундуклеевской гимназии. По окончании записывается на юридическое отделение Высших киевских женских курсов.

1907

Начало года — В первом номере созданного студентом Сорбонны Николаем Гумилевым с несколькими друзьями-соотечественниками «двухнедельного журнала Искусства и Литературы» «Сириус» опубликовано стихотворение Анны Горенко «На руке его много блестящих колец...»

Из статьи Ярослава Тинченко «Роман с колдуньей»: «Она... написала во Францию пару благосклонных писем. Гумилев тут же приехал в Киев и нарвался... на ледяной прием. От отчаяния даже сжег рукопись новеллы, посвященной Горенко. Тем не менее он опять умолял Аню выйти за него замуж. Она продолжала безответно любить Голенищева-Кутузова, но все же на этот раз не стала противиться настойчивым просьбам Николая. Чуть позже она напишет об этом супругу своей покойной сестры: «Я отравлена на всю жизнь, горек яд неразделенной любви! Смогу ли я снова начать жить? Конечно нет! Но Гумилев — моя Судьба, и я покорно отдаюсь ей. Не осуждайте меня, если можете. Я клянусь Вам всем для меня святым, что этот несчастный человек будет счастлив со мной» <...> Когда в мае 1907-го Гумилев вновь прибыл в Киев, оказалось, что у нее появился любовник. Более того, узнав, что «Сириус», где были опубликованы первые стихи Ахматовой, больше не выходит, она пришла в «необычайно веселое настроение»... Николаю ничего не оставалось, как убраться зализывать свои душевные раны в Париж. ()

1909

29 ноября — Анна Горенко принимает официальное предложение Николая Гумилева стать его женой.

Из статьи Ярослава Тинченко «Роман с колдуньей»: «Гумилев бросил учебу во Франции, исколесил Северную и Центральную Африку, выпустил два сборника стихов, шесть раз приезжал в Киев

объясняться с Анной, дважды в итоге этих встреч пытался покончить жизнь самоубийством и один раз даже намеревался стреляться на дуэли. Лишь 29 ноября 1909 г. Анна наконец приняла предложение Гумилева. Однако сделала это почти из жалости. Или солидарности. В тот день молодые петербургские поэты провели в зале киевского Купеческого собрания (ныне — Национальная филармония на Европейской площади) вечер современной поэзии «Остров искусств», закончившийся провалом. Публика их освистала, киевские газетчики тоже не остались в стороне, вдоволь поиздевавшись над петербуржцами. Особенно — над Гумилевым, которого в публикациях называли Гумилевичем. После фиаско Анна Горенко отправилась с Николаем в кафе, где, в который раз выслушав заверения в вечной любви, решила на брак.

1910

8 апреля — Венчание Анны Горенко и Николая Гумилева.

«Я выхожу замуж за друга юности, — писала Ахматова своему родственнику С.В. Штейну, — он любит меня уже три года, и я верю, что моя судьба быть его женой...». Из статьи Ярослава Тинченко «Роман с колдуньей»: «Свадьба была очень скромной — без друзей и родственников. Подробности события неизвестны, осталось лишь одно скупое свидетельство, выданное церковным настоятелем: «Означенный в сем студент Санкт-Петербургского университета Николай Степанович Гумилев 1910 года апреля 25 дня причтом Николаевской церкви села Никольской Слободки Остерского уезда Черниговской губернии обвенчан с потомственной дворянкой Анной Андреевной Горенко, что удостоверяем подписями с приложением церковной печати».

Май — Супруги Гумилевы в Париже (свадебное путешествие).

Лето — в Слепневе, тверском имении свекрови поэтессы, А.И. Гумилевой.

У матери Гумилева Анны Ивановны и двух ее сестер в сельце Слепнево Бежецкого уезда был небольшой дом, который они получили в наследство от старшего брата. Дом был деревянный, одноэтажный с мезонином. Он стоял на пригорке, окруженный старинным тенистым парком с прудами и фруктовыми посадками. Внизу протекала речка Каменка. Дом пережил всех своих хозяев, в 1935 году его разобрали и перевезли в село Градницы под школу, сей-

час в нем библиотека и музей «Дом Поэтов». Деревни Слепнёво теперь нет. На вершине холма ещё заметны камни от фундамента усадебного дома, сохранились остатки парка: старый дуб, тополя, липы, акации, обмелевший пруд, камень.

А об Ахматовой в Слепневе сохранились такие воспоминания: «У Ахматовой строгое лицо послушницы из староверческого скита. Все черты слишком острые, чтобы назвать лицо красивым. Серые глаза без улыбки. За столом она молчала, и сразу чувствовалось, что в семье мужа она чужая. В этой патриархальной семье и сам Николай Степанович, и его жена были как белые вороны. Мать огорчалась тем, что сын не хотел служить ни в гвардии, ни в дипломатическом корпусе, а стал поэтом, пропадает в Африке, и жену привел какую-то чудную, тоже пишет стихи, все молчит. Ходит то в темном ситцевом платье вроде сарафана, то в экстравагантных парижских туалетах...» Хотя отношение свекрови и золовки к Анне Андреевне не было дружественным, но они растили ее сына и саму ее принимали в Слепневе, а затем в Бежецке.

Николай Гумилев ввел Ахматову в литературно-художественную среду Петербурга. Популярной становится не только поэтическая манера Ахматовой, но и ее облик: она поражает современников своей царственностью, величавостью. Внешность Ахматовой вдохновляла многих художников — А. Модильяни, Н. Альтмана, К. Петрова-Водкина, Э. Серебрякову, А. Данько, Н.Тырсу, А.Тышлера.

14 июня — дебют Ахматовой на «башне» Вячеслава Иванова.

По свидетельству современников, «Вячеслав очень сурово прослушал ее стихи, одобрил только одно, об остальных промолчал, одно раскритиковал». Заключение его было равнодушно-ироничным: «Какой густой романтизм...» Чуковский отмечал, что, появившись в литературных кругах Петербурга в качестве жены Гумилева, Ахматова была похожа «на робкую пятнадцатилетнюю девочку». Однако вскоре она стала держаться совсем иначе: «...В ее глазах, и в осанке, и в ее обращении с людьми наметилась главная черта ее личности: величавость. Не спесивость, не надменность, не заносчивость, а именно величавость: «царственная», монументально важная поступь, нерушимое чувство уважения к себе, к своей высокой писательской миссии. <...> Даже в позднейшие годы, в очереди за керосином, селедками, хлебом, даже в переполненном жестком вагоне, даже в ташкентском трамвае, даже в

больничной палате, набитой десятком больных, всякий, не знавший ее, чувствовал ее «спокойную важность» и относился к ней с особым уважением, хотя держалась она со всеми очень просто и дружественно...»

1911

Анна Горенко поступает на Высшие историко-литературные курсы Раева в Петербурге.

Весна — Знакомство с Блоком.

Первая публикация под псевдонимом Анна Ахматова — стихотворение «Старый портрет» («Всеобщий журнал», 1911, № 3). С момента основания «Цеха поэтов» стала его секретарем и деятельным участником.

К 1912 Анна потеряла двух сестер: они умерли от туберкулеза — у начинающей поэтессы были основания полагать, что ее ожидает та же участь. «И кто бы поверил, что я задумана так надолго, и почему я этого не знала», — признавалась она, перейдя шестидесятилетний рубеж. Но в 1910—1912 годах Анну не покидало ощущение краткосрочности бытия, она жила с предчувствием скорой смерти.

1912

Начало марта — Выход первого сборника «Вечер» (тираж 300 экземпляров).

Строки из Михаила Кузмина к сборнику: «...Эти конкретные осколки нашей жизни мучают и волнуют нас больше, чем мы этого ожидали, и, будто не относясь к делу, точно и верно ведут нас к тем минутам, к тем местам, где мы любили, плакали, смеялись и страдали — где мы жили». «Она пишет стихи как бы перед мужчиной, а надо как бы перед Богом», — прокомментировал выход стихов Ахматовой Александр Блок. Печаль, которой проникнуты стихи «Вечера», была, по словам поэта и теоретика символизма Георгия Чулкова, пронизана «смертельным ядом иронии», что позволяло современникам возводить поэтическую родословную Ахматовой к Иннокентию Анненскому, которого Гумилев назвал знаменем для «искателей новых путей», имея в виду акмеистов. Впоследствии Ахматова рассказывала, каким откровением было для нее знакомство со стихами поэта, открывшего ей «новую гармонию».

Апрель — май — Путешествие с Гумилевым по Италии. По возвращении — знакомство с Маяковским.

Ахматова об этом знакомстве: «Маяковский очень хотел познакомиться с Николаем Степановичем, и Николаю Степановичу передали это. Николай Степанович сказал, что ничего против не имеет... «но только если Маяковский не говорил дурно о Пушкине». Передавшему это Николай Степанович поручил узнать. Оказалось, что Маяковский не говорил дурно о Пушкине, и знакомство состоялось».

1 октября — рождение сына Льва.

Из воспоминаний уроженки Слепнева: «Еще в мирное время (до 1914 г.) слепневские крестьяне жили бедно и были много должны барыне. Тогда в семье у Анны Ивановны ждали ребенка и заранее объявили крестьянам: «Если родится наследник, то вам будут прощены долги. Молитесь о благополучных родах». И действительно, родился мальчик и был назван Лев. На сходе, собранном по этому случаю, долги мужикам простили, состоялось угощение...»
Льва Николаевича воспитывала Анна Ивановна Гумилева, свекровь Ахматовой. О ее природном даровании воспитателя свидетельствует то, что она вырастила сына — выдающегося поэта и внука — крупного ученого. Лев Николаевич Гумилев вспоминал: «...в детстве мне было с бабушкой интереснее, чем с мальчишками — моими сверстниками».

1913

Начало весны — Гумилев отправился в свое последнее путешествие по Африке в качестве начальника экспедиции, организованной Академией наук.

Весна — Знакомство с соседом по Царскому Селу — поэтом, критиком и литературоведом Николаем Владимировичем Недоброво (1882—1919).

Статью Недоброво «Анна Ахматова» сама поэтесса считала провидческой, лучшей из всего, написанного об ее творчестве. Вот что там написано об авторе «Вечера» и «Четок»: «Изобилие поэтически претворенных мук — свидетельствует не о плаксивости по случаю жизненных пустяков, но открывает лирическую душу, скорее жесткую, чем слишком мягкую, скорее жесткую, чем слезливую, и уж явно господствующую, а не угнетенную...».

Знакомство с Николаем Николаевичем Пуниным в редакции журнала «Аполлон».

13 декабря — В гостях у Блока.

«В одно из последних воскресений тринадцатого года я принесла Блоку его книги, чтобы он их надписал...» Блок, высоко ценивший виртуозный стих Ахматовой, но с неудовольствием отмечавший излишнюю замкнутость ее душевного мира и кукольность героев, писал ей в одном из писем: «Не надо мертвого жениха, не надо кукол, не надо экзотики, не надо уравнений с десятью неизвестными, надо еще жестче, непригляднее, больше...»

1914

Март — Недоброво познакомил Ахматову со своим лучшим другом, поэтом и художником Борисом Анрепом, которому будет посвящено большинство стихотворений сборника «Белая стая». Выход второго сборника «Четки» (тираж 1000 экземпляров).

Новый сборник показывал, что развитие Ахматовой как поэта идет не по линии расширения тематики, а по линии углубления психологизма, постижения нюансов психологических мотивировок, чуткости к движениям души. Это качество ее поэзии с годами усиливалось. Будущий путь Ахматовой верно предугадал Недоброво, подчеркнув в статье 1915 года: «Ее призвание — в рассечении пластов». После «Четок» к Ахматовой приходит слава. Ее лирика оказалась близка не только «влюбленным гимназисткам», как с иронией замечала сама Анна Андреевна, среди ее восторженных поклонников были поэты, только входившие в литературу: Марина Цветаева, Борис Пастернак. Более сдержанно, но все же одобрительно отнеслись к Ахматовой Блок и Брюсов.

Август — Гумилев, записавшись добровольцем в лейб-гвардии Уланский полк, уходит на фронт.

После ухода Гумилева на фронт Ахматова много времени проводила в Слепневе. Ахматова собиралась писать автобиографическую книгу «Мои полвека», и в одном из вариантов плана книги есть такая запись о третьей главе: «Слепнево. Его великое значение в моей жизни».

СОДЕРЖАНИЕ

Ахматова: день за днем 5

1904—1905

Лилии (*«Я лилий нарвала прекрасных и душистых...»*) 7

«Над черною бездной с тобою я шла...» 7

«О, молчи! от волнующих страстных речей...» 8

1906

«Ты к морю пришел, где увидел меня...» 9

«Я умею любить. Умею покорной и нежною быть...» 9

1907

«На руке его много блестящих колец...» 11

1908

«Улыбнулся, вставши на пороге...» 12

1909

«Герб небес изогнутый и древний...» 13

Дифирамб (*«Зеленой той весны не бывало еще
во вселенной...»*) 13

Читая «Гамлета»

1. «У кладбища направо пылил пустырь...» 14

2. «И как будто по ошибке...» 14

«И когда друг друга проклинали...» 14

Из первой тетради. *Отрывок («Всю ночь не давали
заснуть...»)* 15

«Молюсь оконному лучу...»	15
«Ночь моя — бред о тебе...»	15
«Хорони, хорони меня, ветер!...»	16
Из завещания Васильки («А княгиня моя, где захочет жить...»)	16
Два стихотворения	
1. «Подушка уже горяча...»	17
2. «Тот же голос, тот же взгляд...»	17
«Глаза безумные твои...»	17
«По полу лучи луны разлились...»	18
«То ли я с тобой осталась...»	18

1910

«Сладок запах синих виноградин...»	19
I. «Пришли и сказали: «Умер твой брат»...»	19
II. «Брат! Дождалась я светлого дня...»	20
«Жарко веет ветер душный...»	20
«Тебе, Афродита, слагаю танец...»	21
«Синий вечер. Ветры кротко стихли...»	21
«Хочешь знать, как все это было?»	22
«Я написала слова...»	22
«Весенним солнцем это утро пьяно...»	23
Маскарад в парке («Луна освещает карнизы...»)	23
Он любил... («Он любил три вещи на свете...»)	24
«На столике чай, печения сдобные...»	24
Старый портрет («Сжала тебя золотистым овалом...»)	25
Первое возвращение («На землю саван тягостный возложен...»)	25
«Я смертельна для тех, кто нежен и юн...»	26
Сероглазый король («Слава тебе, безысходная боль!...»)	26
«Стояла долго я у врат тяжелых ада...»	27
«В комнате моей живет красивая...»	27

1911

«Сжала руки под темной вуалью...»	28
Вечерняя комната («Я говорю сейчас словами теми...»)	28

Алиса

I. «Все тоскует о забытом...»	29
II. «Как поздно! Устала, зеваю...»	30
«Память о солнце в сердце слабеет...»	30
Белой ночью («Ах, дверь не запирала я...»)	31
«Как соломинкой, пьешь мою душу...»	31
«Три раза пытать приходила...»	32
«Дверь полуоткрыта, веют липы сладко...»	32
Подражание И. Ф. Анненскому («И с тобой, моей первой причудой...»)	33
«По аллее проводят лошадок...»	33
«Я пришла сюда, бездельница...»	34
«Шелестит о прошлом старый дуб...»	34
Надпись на неоконченном портрете («О, не вздыхайте обо мне...»)	35
«Я живу, как кукушка в часах...»	35
Песенка («Я на солнечном восходе...»)	36
«Я сошла с ума, о мальчик странный...»	37
«Снова со мной ты. О мальчик-игрушка!..»	37
Рыбак («Руки голы выше локтя...»)	37
«Туманом легким парк наполнился...»	38
[А.А. Смирнову] («Когда умрем, темней не станет...»)	38
«Высоко в небе облачко серело...»	38
«Сердце к сердцу не приковано...»	39
«Я и плакала и каялась...»	39
«Мне с тобою пьяным весело...»	40
«...А там мой мраморный двойник...»	40
«Целый день провела у окошка...»	40
Похороны («Я места ищу для могилы...»)	41
«Под навесом темной риги жарко...»	42
«Смуглый отрок бродил по аллеям...»	42
Песня последней встречи («Так беспомощно грудь холодела...»)	42
Музе («Муза-сестра заглянула в лицо...»)	43
Любовь («То змейкой, свернувшись клубком...»)	44
«И мальчик, что играет на волынке...»	44

«Меня покинул в новолунье...»	44
«Любовь покоряет обманно...»	45
«Словно тяжким огромным молотом...»	45
«Муж хлестал меня узорчатый...»	46
Отрывок («...И кто-то, во мраке дерев незримый...»)	46
Исповедь («Умолк простивший мне грехи...»)	47
Сад («Он весь сверкает и хрустит...»)	47
Над водой («Стройный мальчик пастушок...»)	48
«В углу старик, похожий на барана...»	48
В лесу («Четыре алмаза — четыре глаза...»)	49
«Мне больше ног моих не надо...»	49
«...И там колеблется камыш...»	50
«Мурка, не ходи, там сыч...»	50

1912

Бессонница («Где-то кошки жалобно мяукают...»)	51
«Безвольно пощады просят...»	51
«Твоя свирель над тихим миром пела...»	52
«Слаб голос мой, но воля не слабеет...»	52
«Здесь все то же, то же, что и прежде...»	52
«Помолись о нищей, о потерянной...»	53
«Я научилась просто, мудро жить...»	54
«Стал мне реже снится, слава Богу...»	54
Венеция («Золотая голубятня у воды...»)	55
«Я пришла тебя сменить, сестра...»	55
«В ремешках пенал и книги были...»	56
«Загорелись иглы венчика...»	57
«Протертый коврик под иконой...»	57
«Дал Ты мне молодость трудную...»	57
«Он длится без конца — янтарный, тяжкий день!...»	58
«Умирая, томлюсь о бессмертье...»	58
«Ты письмо мое, милый, не комкай...»	59
«Потускнел на небе синий лак...»	59
«Еще к этому добавим...»	59
«Ты поверь, не змеиное острое жало...»	60
«Сегодня мне письма не принесли...»	60

«Сегодня мне письма не принесли...»	60
«Как впелась в мои темные косы...»	61
«Приходи на меня посмотреть...»	61

1913

«Все мы бражники здесь, блудницы...»	62
«О, это был прохладный день...»	62
«Я так молилась: «Утоли глухую жажду песнопенья!»...»	63
Вечером («Звенела музыка в саду...»)	63
Прогулка («Перо задело о верх экипажа...»)	64
«Ты пришел меня утешить, милый...»	64
Голос памяти («Что ты видишь, тускло на стену смотря...»)	65
«Покорно мне воображенье...»	65
«Вечерние часы перед столом...»	66
«Знаю, знаю — снова лыжи сухо заскрипят...»	66
8 ноября 1913 («Солнце комнату наполнило...»)	66
«Высокие своды костела...»	67
«Не будем пить из одного стакана...»	68
«За узором дымных стеколю...»	68
«Ты знаешь, я томлюсь в неволе...»	69
«Плотно сомкнуты губы сухие...»	69
«Вместо мудрости — опытность, пресное...»	69
«В то время я гостила на земле...»	70
9 декабря 1913 («Самые темные дни в году...»)	71
«Настоящую нежность не спутаешь...»	72
«Я с тобой не стану пить вино...»	72
«И жар по вечерам, и утром вялость...»	72
«Твой белый дом и тихий сад оставляю...»	73
Ответ («Я получила письмо...»)	73
«То пятое время года...»	73
«Родилась я ни поздно, ни рано...»	74
«Проводила друга до передней...»	74
«Цветов и неживых вещей...»	74
«Каждый день по-новому тревожен...»	75

Стихи о Петербурге

1. «Вновь Исакий в облаченьи...»	75
2. «Сердце бьется ровно, мерно...»	76
«О тебе вспоминаю я редко...»	76
«Как страшно изменилось тело...»	77
«На шее мелких четок ряд...»	77
«Столько просьб у любимой всегда!..»	78

Смятение

1. «Было душно от жгучего света...»	78
2. «Не любишь, не хочешь смотреть?..»	79
3. «Как велит простая учтивость...»	79
«Вижу выцветший флаг над таможенной...»	79
«...И на ступеньки встретить...»	80
«Черная вилась дорога...»	80
«Я видел поле после града...»	81
«Ничего не скажу, ничего не открою...»	82
Последнее письмо («О спутник мой неосторожный...»)	82
«Мальчик сказал мне: «Как это больно!»...»	83
«Здравствуй! Легкий шелест слышишь...»	84
«Косноязычно славивший меня...»	84
«Со дня Купальницы-Аграфены...»	85
«Бисерным почерком пишете, Lise...»	85
«У меня есть улыбка одна...»	86
«Простишь ли мне эти ноябрьские дни?..»	86

1914

Гость («Все как раньше: в окна столовой...»)	87
«Я пришла к поэту в гости...»	87
«Пустые белые святки...»	88
«Углем наметил на левом боку...»	88
«После ветра и мороза было...»	89
«В последний раз мы встретились тогда...»	89
Разлука («Вечерний и наклонный передо мною путь...»)	90
«Как ты можешь смотреть на Неву...»	90
Александру Блоку («От тебя приходила ко мне тревога...»)	90

«Где, высокая, твой цыганенок...»	90
Ответ («Какие странные слова...»)	91
«Мне не надо счастья малого...»	91
«Не в лесу мы, довольно аукать...»	92
«Спокоен ход простых суровых дней...»	92
Уединение («Так много камней брошено в меня...»)	92
Белая ночь («Небо бело страшной белизною...»)	93
Побег («Нам бы только до взморья добраться...»)	93
Моей сестре («Подошла я к сосновому лесу...»)	94
«Лучше б мне частушки задорно выкликать...»	95
«Древний город словно вымер...»	95
«И в Киевском храме Премудрости Бога...»	96
«Справа Днепр, а слева клены...»	96
«На Казанском или на Волковом...»	96
«Тяжела ты, любовная память!..»	97
«Подошла. Я волнения не выдал...»	97
«Я не любви твоей прошу...»	98
Июль 1914	
I. «Пахнет гарью. Четыре недели...»	98
II. «Можжевелика запах сладкий...»	99
Белый дом («Морозное солнце. С парада...»)	99
«Вижу, вижу лунный лук...»	100
«Бесшумно ходили по дому...»	101
«Был блаженной моей колыбелью...»	102
«Пустых небес прозрачное стекло...»	102
«Божий Ангел, зимним утром...»	103
Утешение («Вестей от него не получишь больше...»)	103
«Был он ревнивым, тревожным и нежным...»	104
«За то, что я грех прославляла...»	104
«Кому-то желтый гроб несут...»	104
«Отлетела от меня удача...»	105
«...это тот, кто сам мне подал цитру...»	105
У самого моря	
I. «Бухты изрезали низкий берег...»	105
II. «Бухты изрезали низкий берег...»	107

III. «Вдруг подобрело темное море...»	109
IV. «Солнце лежало на дне колодца...»	111
Тамаре Платоновне Карсавиной («Как песню, слагаешь ты легкий танец...»)	112
«Чернеет дорога приморского сада...»	113
«Я любимого нигде не встретила...»	113
«Не убил, не проклял, не предал...»	114
«Ты мог бы мне сниться и реже...»	114
Завещание («Моей наследницею полноправной будь...»)	114
«Целый год ты со мной неразлучен...»	115
«Цветы, холодные от рос...»	115
«Вечерний звон у стен монастыря...»	116
«Земная слава как дым...»	116
«Ты первый, ставший у источника...»	117

1915

«Под крышей промерзшей пустого жилья...»	118
Милому («Голубя ко мне не присылай...»)	118
«Так раненого журавля...»	119
Сон («Я знала, я снюсь тебе...»)	119
«Я улыбаться перестала...»	120
«Из памяти твоей я выну этот день...»	120
«Думали: нищие мы, нету у нас ничего...»	121
«Есть в близости людей заветная черта...»	121
«Выбрала сама я долю...»	122
Молитва («Дай мне горькие годы недуга...»)	122
«Долго шел через поля и села...»	122
«Буду тихо на погосте...»	123
«Перед весной бывают дни такие...»	123
«Широк и желт вечерний свет...»	124
«Будем вместе, милый, вместе...»	124
«Нам свежесть слов и чувства простоту...»	125
«Ведь где-то есть простая жизнь и свет...»	125
«Нет, царевич, я не та...»	126
«Не хулил меня, не славил...»	126
«Зачем притворяешься ты...»	127

«Столько раз я проклинала...»	127
«Я не знаю, ты жив или умер...»	128
«Господь немилостив к жнецам и садоводам...»	128
«Как невеста, получаю...»	129
«Все мне видится Павловск холмистый...»	129
«Муза ушла по дороге...»	130
«Тот август, как желтое пламя...»	130
«Горят твои ладони...»	131
Колыбельная (<i>«Далеко в лесу огромном...»</i>)	132
«Будешь жить, не зная лиха...»	132
«Не тайны и не печали...»	133
«Ты мне не обещан ни жизнью, ни Богом...»	133

1914—1916

I. «Покинув рощи родины священной...»	134
II. «Смеркается, и в небе темно-синем...»	135

1916

«Словно ангел, возмутивший воду...»	136
«Я окошка не завесила...»	136
Песенка (<i>«Бывало, я с утра молчу...»</i>)	136
«Я знаю, ты моя награда...»	137
«Первый луч — благословенье Бога...»	137
«Эта встреча никем не воспета...»	138
Майский снег (<i>«Прозрачная ложится пелена...»</i>)	138
«Бессмертник сух и розов. Облака...»	138
«Они летят, они еще в дороге...»	139
Песня о песне (<i>«Она сначала обожжет...»</i>)	139
«Небо мелкий дождик сеет...»	140
«Как люблю, как любила глядеть я...»	140
«Как белый камень в глубине колодца...»	141
«А! это снова ты. Не отроком влюбленным...»	141
Памяти 19 июля 1914 (<i>«Мы на сто лет состарились, и это...»</i>)	142
«Когда в мрачнейшей из столиц...»	142
«Буду черные грядки холить...»	143

«Почернел, искривился бревенчатый мост...»	144
«Все отнято: и сила, и любовь...»	144
Царскосельская статуя («Уже кленовые листья...»)	145
«Вновь подарен мне дремотой...»	145
«Все обещало мне его...»	146
«Приду туда, и отлетит томленья...»	146
«Ни в лодке, ни в телеге...»	147
«Судьба ли так моя переменилась...»	147
«О, есть неповторимые слова...»	148
«По неделе ни слова ни с кем не скажу...»	148
Из прапоземы («В городе райского ключаря...»)	149
«Ждала его напрасно много лет...»	150
Отрывок (О Боже, за себя я все могу простить...»)	151
«В последний год, когда столица наша...»	151
«Теперь никто не станет слушать песен...»	151

1916—1917

«В каждых сутках есть такой...»	152
«В городе райского ключаря...»	152

1917

«Высокомерьем дух твой помрачен...»	153
«Там тень моя осталась и тоскует...»	153
«Да, я любила их, те сборища ночные...»	154
«Не оттого ль, уйдя от легкости проклятой...»	154
«Соблазна не было. Соблазн в тиши живет...»	154
«Тот голос, с тишиной великой спора...»	154
«Двадцать первое. Ночь. Понедельник...»	155
«Как площади эти обширны...»	155
«По твердому гребню сугроба...»	156
«Мы не умеем прощаться...»	156
«Еще весна таинственная млела...»	157
«Теперь прощай, столица...»	157
«И в тайную дружбу с высоким...»	158
«Я слышу иволги всегда печальный голос...»	158
«О нет, я не тебя любила...»	159

«Мне от бабушки-татарки...»	159
«Я друзьям моим сказала...»	160
«Сразу стало тихо в доме...»	161
«А ты теперь тяжелый и унылый...»	161
«Ты — отступник: за остров зеленый...»	162
«Просыпаться на рассвете...»	163
«Это просто, это ясно...»	163
«Течет река неспешно по долине...»	164
«И целый день, своих пугаясь стонов...»	164
«И мнится — голос человека...»	164
«Когда в тоске самоубийства...»	165
«Ты всегда таинственный и новый...»	165
«И вот одна осталась я...»	166
«Пленник чужой! Мне чужого не надо...»	166
«Когда о горькой гибели моей...»	167
«Я в этой церкви слушала Канон...»	167
«С первым звуком, слетевшим с рояля...»	167

1917—1919

«На разведенном мосту...»	169
-------------------------------------	-----

1918

«Веет ветер лебединый...»	170
«Проплывают льдины, звеня...»	170
«От любви твоей загадочной...»	171
Ночью («Стоит на небе месяц, чуть живой...»)	171
«Для того ль тебя носила...»	172

1919

«Я спросила у кукушки...»	173
«Я горькая и старая. Морщины...»	173
«Чем хуже этот век предшествующих? Разве...»	173
Призрак («Зажженных рано фонарей...»)	174

1910-е годы

«Жрицами божественной бессмыслицы...»	175
«В промежутке между грозами...»	175

«Угадаешь ты ее не сразу...»	175
«Я не люблю цветы — они напоминают...»	176
«Поглядишь, как будто спросишь...»	176
«Как долог праздник новогодний...»	177
«Если в небе луна не бродит...»	177
«Сочтенных дней осталось мало...»	178
«И через все, и каждый миг...»	178
«Не смущаюсь я речью обидною...»	178
«И скупо оно и богато...»	178
«И слава лебедью плыла...»	179
«Как вышедший из западных ворот...»	179
«Ты смертною не можешь сделать душу...»	179

1920

Петроград, 1919 («И мы забыли навсегда...»)	180
«Некрасов и мы»	180

1921

«Путник милый, ты далече...»	182
«Нам встречи нет. Мы в разных станах...»	182
«Все расхищено, предано, продано...»	183
«На пороге белом рая...»	183
«А, ты думал — я тоже такая...»	184
«Сослужу тебе верную службу...»	184
«Не бывать тебе в живых...»	184
«Не чудо ли, что знали мы его...»	185
«Страх, во тьме перебирая вещи...»	185
«Чугунная ограда, сосновая кровать...»	186
«Пророчишь, горькая, и руки уронила...»	186
«О, жизнь без завтрашнего дня!..»	187
«Кое-как удалось разлучиться...»	187
«Пока не свалюсь под забором...»	188
«А Смоленская нынче именинница...»	188
«Пусть голоса органа снова грянут...»	189
«Тебе покорной? Ты сошел с ума!..»	189
«Широко распахнуты ворота...»	190

«Заплаканная осень, как вдова...»	190
«Долгим взглядом твоим истомленная...»	191
«Я гибель наклкала милым...»	191
«Сказал, что у меня соперниц нет...»	192
«Пятым действием драмы...»	192
«Все души милых на высоких звездах...»	192
«Я с тобой, мой ангел, не лукавил...»	193
«В тот давний год, когда зажглась любовь...»	193
Рахиль («И встретил Иаков в долине Рахиль...»)	194
Бежецк («Там белые церкви и звонкий, светящийся лед...»)	195
«Пива светлого наварено...»	195
«Земной отрадой сердца не томи...»	196
«Что ты бродишь неприкаянный...»	196
«В том доме было очень страшно жить...»	196
«Ангел, три года хранивший меня...»	197

1922

Клевета («И всюду клевета сопутствовала мне...»)	198
«Слух чудовищный бродит по городу...»	199
«Шепчет: «Я не пожалею...»	199
Предсказание («Видел я тот венец златокованный...»)	199
Причитание («Господеви поклонитесь...»)	200
«Заболеть бы как следует, в жгучем бреду...»	200
«Не с теми я, кто бросил землю...»	201
Многим («Я — голос ваш, жар вашего дыханья...»)	201
«Здравствуй, Питер! Плохо, старый...»	202
«Дьявол не выдал. Мне все удалось...»	202
«Небывалая осень построила купол высокий...»	203
Разлука («Вот и берег северного моря...»)	203
«Хорошо здесь: и шелест, и хруст...»	203
Новогодняя баллада («И месяц, скучая в облачной мгле...»)	204
«Вечер тот казни достоин...»	204
«Как мог ты, сильный и свободный...»	205
«За озером луна остановилась...»	206
«Хорошо поют синицы...»	206

1923

- «Скучно мне всю жизнь спасать...» 207
 Юдифь («*В шатре опустилась полночная мгла...*») 207

1924

- Лотова жена («*И праведник шел за посланником Бога...*») . . 209
 Художнику («*Мне все твоя мерещится работа...*») 209
 Муза («*Когда я ночью жду ее прихода...*») 210
 «Я именем твоим не оскверню уст...» 210

1925

- Памяти Сергея Есенина («*Так просто можно жизнь покинуть
 эту...*») 211
 «И ты мне все простишь...» 211

1926

- 1925 («*И неоплаканною тенью...*») 212
 «И клялись они Серпом и Молотом...» 212

1927

- «О, знала ль я, когда в одежде белой...» 213
 Кавказское («*Здесь Пушкина изгнание началось...*») 213
 «Десять лет и год твоя подруга...» 214
 «Как взглянуть теперь мне в эти очи...» 214
 «Ты прости мне, что я плохо правлю...» 214

1928

- «Если плещется лунная жуть...» 215
 Эпиграмма («*Здесь девушки прекраснейшие спорят...*») 215

1929

- «Тот город, мной любимый с детства...» 216

1920-е годы

- «Конечно, мне радости мало...» 217
 «Уходи опять в ночные чащи...» 217

1931

Двустипшие («От других мне хвала — что зола...») 218

1932

«...Оттого что мы все пойдем...» 219

1931—1933

Последняя сказка Пушкина 220

1934

Последний тост («Я пью за разоренный дом...») 245

«Привольем пахнет дикий мед...» 245

1935

«Уводили тебя на рассвете...» 246

«Зачем вы отравили воду...» 246

1936

Борис Пастернак («Он, сам себя сравнивший с конским
глазом...») 247

«Не прислал ли лебедя за мною...» 248

«И, придя в свою светлицу...» 248

Воронеж («И город весь стоит оледенелый...») 249

Заклинание («Из тюремных ворот...») 249

Данте («Он и после смерти не вернулся...») 250

«От тебя я сердце скрыла...» 250

«Одни глядят в ласковые взоры...» 251

Творчество («Бывает так: какая-то истома...») 251

1937

«...За ландышевый май...» 252

«Я знаю, с места не сдвинуться...» 252

Немного географии («Не столицей европейской...») 253

«Прикована к смутному времени...» 253

«За такую скоморошину...»	254
Подражание армянскому («Я приснюсь тебе черной овцою...»)	254

1938

Памяти Пильняка («Все это разгадаешь ты один...»)	255
«Тихо льется тихий Дон...»	255
«Показать бы тебе, насмешнице...»	256
Распятие	
1. «Хор ангелов великий час восславил...»	256
2. «Магдалина билась и рыдала...»	256

1939

«Легкие летят недели...»	257
Приговор («И упало каменное слово...»	257
«Годовщину последнюю празднуй...»	258
К смерти («Ты все равно придешь — зачем же не теперь?..»)	258
«Жить — так на воле...»	259
«Нет, это не я, это кто-то другой страдает...»	259
«Семнадцать месяцев кричу...»	259

1930-е годы

«Мне, лишенной огня и воды...»	260
«Вот и доспорился, яростный спорщик...»	260
«Семь тысяч три километра...»	260
Ответ («И вовсе я не пророчица...»)	261
[Из забытого] («Ах! — где те острова...»)	261
«Все ушли, и никто не вернулся...»	261
Надпись на книге («Из-под каких развалин говорю...»)	262
«Нет, с гуртом гонимым по Ленинке...»	262

1925—1965

Царскосельская поэма «Русский трианон»	
1. «В тени елизаветинских боскетов...»	263
2. «Как я люблю пологий склон зимы...»	263

3. «И рушилась твердыня Эрзерума...»	263
4. «Прикинувшись солдаткой, выло горе...»	264
5. «На Белой башне дремлет пулемет...»	264
<6>. «О, знал ли он, любимец двух столетий...»	264
<7>. «Иланг-илангом весь пропах вокзал...»	264
<8>. «И Гришка сам — распутник...»	264
<9>. «С вокзала к паркам легкие кареты...»	265
<10>. «Все занялись военной суетою...»	265
<11>. «И парк безлюден, как сибирский лес...»	265

1940

«С Новым Годом! С новым горем!..»	266
Ива («А я росла в узорной тишине...»)	266
Подвал памяти («Но сущий вздор, что я живу грустя...»)	267
«Мне ни к чему одические рати...»	267
«Когда человек умирает...»	268
Клеопатра («Уже целовала Антония мертвые губы...»)	268
Маяковский в 1913 году («Я тебя в твоей не знала славе...»)	269
«Так отлетают темные души...»	269
«Уложила сыночка кудрявого...»	270
Поздний ответ («Невидимка, двойник, пересмешник...»)	271
«Вот это я тебе, взамен могильных роз...»	272
«Опять поминальный приблизился час...»	272
Путем всея земли	
I. «Прямо под ноги пулям...»	274
II. «Окопы, окопы...»	275
III. «Вечерней порою...»	275
IV. «Черемуха мимо прокралась, как сон...»	276
V. «Великую зиму я долго ждала...»	277
«Перед этим горем гнутся горы...»	278
Про стихи Нарбута («Это — выжимки бессонниц...»)	278
Стансы («Стрелецкая луна. Замоскворечье. Ночь...»)	279
Из цикла «Юность» («Мои молодые руки...»)	279
«Уже безумие крылом...»	280
Надпись на книге («Почти от залетейской тени...»)	281

Август 1940 («Когда погребают эпоху...»)	281
Тень («Всегда нарядней всех, всех розовой и выше...»)	282
«Соседка из жалости — два квартала...»	282
Лондонцам («Двадцать четвертую драму Шекспира...»)	283
«Уж я ль не знала бессонницы...»	283
Из поэмы «1913 год»	
I. «Все равно подходит расплата...»	284
II. «Были святки кострами согреты...»	284
«Это было, когда улыбался...»	285
«И вот, наперекор тому...»	285
Третий Зачатьевский («Переулочек, переул...»)	286
«Один идет прямым путем...»	286
«Но я предупреждаю вас...»	286
«Не недели, не месяцы — годы...»	287

1935—1940

Реквием

Вместо предисловия	288
Посвящение	288
Вступление	289
I. «Уводили тебя на рассвете...»	290
II. «Тихо льется тихий Дон...»	290
III. «Нет, это не я, это кто-то другой страдает...»	290
IV. «Показать бы тебе, насмешнице...»	290
V. «Семнадцать месяцев кричу...»	291
VI. «Легкие летят недели...»	291
VII. Приговор	291
VIII. К смерти	292
IX. «Уже безумие крылом...»	292
X. Распятие	293
Эпилог	294

1941

Надпись на книге «Подорожник» («Совсем не тот таинственный художник...»)	296
«То, что я делаю, способен делать каждый...»	296

Ленинград в марте 1941 (« <i>Cadran solaire</i> на Менишиковом доме...»)	297
«Вражье знамя...»	297
Клятва (« <i>И та, что сегодня прощается с милым...</i> »)	298
«Копай, моя лопата...»	298
Первый дальнобойный в Ленинграде (« <i>И в пестрой суете людской...</i> »)	298
Дорожная, или голос из темноты. <Из цикла «Песенки»> (« <i>Кто чего боится...</i> »)	299
«Птицы смерти в зените стоят...»	299
Выступление по ленинградскому радио в конце сентября 1941 г.	299
«Пускай огонь сигнальный не горит...»	300
«И осталось из всего земного...»	300

1940—1942

1913 год, или Поэма без героя и Решка (<i>Первая редакция</i>)	
Вступление	301
Посвящение	301
I. «Вы ошиблись: Венеция дождей...»	302
II. «Распахнулась атласная шубка...»	304
III. «Были святки кострами согреты...»	305
Послесловие	307
Решка (<i>Intermezzo</i>)	307
Эпилог	309

1942

Наступление (« <i>Славно начато славное дело...</i> »)	311
Мужество (« <i>Мы знаем, что ныне лежит на весах...</i> »)	311
«С грозных ли площадей Ленинграда...»	312
«Так вот он — тот осенний пейзаж...»	312
«Многое еще, наверно, хочет...»	313
1. «Щели в саду вырыты...»	313
2. «Постучи кулачком — я открою...»	313
«Заснуть огорченной, проснуться влюбленной...»	314
Нох статуя «Ночь» в летнем саду (« <i>Ноченька! В звездном покрывале...</i> »)	314

«Какая есть. Желая вам другую...»	315
«Любо вам под половицей...»	316
Смерть	
I. «Я была на краю чего-то...»	316
II. «А я уже стою на подступах к чему-то...»	316
На Смоленском кладбище («А все, кого я на земле застала...»)	317
In memoriam («А вы, мои друзья последнего призыва!..»)	317
В тифу («Где-то ночка молодая...»)	317
«Если ты смерть — отчего же ты плачешь сама...»	318
«И кружку пенили отцы...»	318
«И я все расскажу тебе...»	318
«Лежала тень на месяце двурогом...»	319
«Не сраженная бледным страхом...»	319
«Глаз не свожу с горизонта...»	319
«А умирать поедem в Самарканд...»	320

1940—1943

Предыстория («Россия Достоевского. Луна...»)	321
--	-----

1943

«Ленинградские голубые...»	323
«И комната, в которой я болею...»	323
Пушкин («Кто знает, что такое слава!..»)	323
«А в зеркале двойник бурбонский профиль прячет...»	324
«Как в трапезной — скамейки, стол, окно...»	324
«А мы? Не так же ль мы...»	324
Хозяйка («В этой горнице колдунья...»)	324
Под Колодной («...Где на четырех высоких лапах...»)	325
Встреча («Как будто страшной песенки...»)	325
Три осени («Мне летние просто невнятные улыбки...»)	326
Памяти Вали («И все, кого сердце мое не забудет...»)	327
«Когда я называю по привычке...»	327
Еще одно лирическое отступление («Все небо в рыжих голубях...»)	327
Гости («...ты пьян, и все равно пора нах хауз...»)	328

«А в книгах я последнюю страницу...»	329
«Все опять возвратится ко мне...»	329
«Важно с девочками простились...»	330
«...И на этом сквозняке...»	330

1944

«И ты ко мне вернулась знаменитой...»	331
Послесловие («...Последнюю и высшую отраду...»)	331
Послесловие «Ленинградского цикла» («Разве не я тогда у креста...»)	331
«Разве я стала совсем не та...»	332
«И в памяти, словно в узорной укладке...»	332
Измена («Не оттого, что зеркало разбилось...»)	332
Победителям («Сзади Нарвские были ворота...»)	333
27 января 1944 года («И в ночи январской беззвездной...»)	333
«De profundis! — Мое поколение...»	333
Intérieur («Когда лежит луна ломтем Чарджуйской дыни...»)	334
«Как ни стремилась к Пальмире я...»	334
«Третью весну встречаю вдали...»	334
«Справа раскинулись пустыри...»	335
«Там по белым дурманым макам...»	335
«Я не была здесь лет семьсот...»	336
С самолета	
1. «На сотни верст, на сотни миль...»	336
2. «Белым камнем тот день отмечу...»	336
3. «И весеннего аэродрома...»	337
Городу Пушкина («О, горе мне! Они тебя сожгли...»)	337
«Вспыхнул над молом первый маяк...»	337
«Лучше б я по самые плечи...»	337
Последнее возвращение («День шел за днем — и то и се...»)	338
«Наше священное ремесло...»	338
«Опять подошли «незабвенные даты»...»	338
«И, как всегда бывает в дни разрыва...»	339
Явление луны («Из перламутра и агата...»)	340

«От странной лирики, где каждый шаг — секрет...»	340
Стекланный звонок («Стекланный звонок...»)	340
«Ты, Азия, родина родин!...»	340
Ташкент зацветает («Словно по чьему-то повелению...»)	341
Из «Ташкентской тетради» («Блаженный мир — зеленый мир...»)	341
«...И со всех колоколен снова...»	342
«Отстояли нас наши мальчишки...»	342
Причитание («Ленинградскую беду руками не разведу...»)	342

1940—1945

1913 год, или Поэма без героя. Триптих (Вторая редакция)	
Вместо предисловия	344
Первое посвящение	345
Второе посвящение	346
Вступление	346
Часть первая. 1913 год	347
Послесловие	356
Часть вторая. Решка	356
Часть третья. Эпилог	360
Примечания	363

1944—1945

Поэма о начале века	
<1>. «Гаагский голубь реял над Вселенной...»	364
<2>. «Красавицы тогдашние мне мнятся...»	364
<3>. «И женщина с зеркальными глазами...»	364
<4>. «...Обрывки пыльных опер...»	365
<5>. «Тот век, что сам в себя уже не верит...»	365
<6>. «Тогда в подобных чувствах жили мы...»	365
<7>. «А тот, кого Учителем считаю...»	365

1945

«А человек, который для меня...»	366
Отрывок («Не знала б, как цветет айва...»)	366
«И город древен, как земля...»	366

«Теперь я всех благодарю...»	367
Учитель («А тот, кого Учителем считаю...»)	367
«Есть три эпохи у воспоминаний...»	367
Освобожденная («Чистый ветер ели колышет...»)	369
В мае («Сталинградской страды золотые плоды...»)	369
«Навстречу знаменам, навстречу полкам...»	369
«Нам есть чем гордиться и есть что беречь...»	369
«Пусть грубой музыки обрушится волна...»	370
«И очертанья «Фауста» вдали...»	370
«Меня, как реку, жестокая эпоха повернула...»	370
Памяти друга («И в День Победы, нежный и туманный...»)	372
«Как у облака на краю...»	372
«Истлевают звуки в эфире...»	372
«Я не любила с давних дней...»	373
«Кого когда-то называли люди...»	373
«На стеклах нарастает лед...»	373
«Это рысьи глаза твои, Азия...»	374
«Победа у наших стоит дверей...»	374
«Что-то неладно со мною опять...»	374

1946

«Знаешь сам, что не стану славить...»	375
«Не дышали мы сонными маками...»	375
«И увидел месяц лукавый...»	375
Во сне («Черную и прочную разлуку...»)	376
Вторая годовщина («Нет, я не выплакала их...»)	376
Памяти Александра Блока («Он прав — опять фонарь, аптека...»)	377
Наяву («И время прочь, и пространство прочь...»)	377
Надпись на портрете («Дымное исчадьё полнолуныя...»)	377
«Со шпаной в канавке...»	378
«Дорогою ценой и неожиданной...»	378
«В каждом древе распятый Господь...»	378
«Дострадать до огня над могилой...»	378
«Я званье то приобрела...»	379

1947—1948

«И снова осень валит Гамерланом...»	380
«Здесь все тебе принадлежит по праву...»	380
«Каменный гость» Пушкина	380
«Я всем прощение дарую...»	395
«Удивляйтесь, что была печальней...»	395

1949

Колыбельная («Я над этой колыбелью...»)	396
Падение Берлина. В кино («Я в два часа четыре долгих года...»)	396
21 декабря 1949 года («Пусть миру этот день запомнится навек...»)	397
«И Вождь орлиными очами...»	398
1950 («Пятидесятый год — как бы водораздел...»)	398
«Где дремала пустыня — там ныне сады...»	399
Клеветникам	
I. «Напрасно кровавою пеленой...»	399
II. «Когда б вы знали, как спокойно...»	400
«Так в великой нашей Отчизне...»	400
Москве («Как молодеешь ты день ото дня...»)	401

1944—1950

«Пора забыть верблюжий этот гам...»	402
---	-----

1949—1950

Тост («За эти пламенные зори...»)	403
Поджигателям («И чем грозите вы?...»)	403
«Любовь всех раньше станет смертным прахом...»	404
«И снова мадам Рекамье хороша...»	404

1950

«Прошло пять лет, — и залечила раны...»	405
1 июня 1950 («Пусть дети запомнят сегодняшний день...»)	406
Говорят дети («В садах впервые загорелись маки...»)	406

Стокгольмская хартия («Бессмертен день, когда одною грудью...»)	407
В пионерлагере («Как будто заблудившись в нежном лете...»)	407
Приморский парк победы («Еще недавно плоская коса...»)	408
Слава миру! («Что начал Стокгольм — продолжила Варшава...»)	409
Р.С.Ф.С.Р. («Первая среди равных...»)	409
Корея в огне	
I. «Где ароматом веяли муссоны...»	410
II. «Воды не хватает в Тихом океане...»	410
Песня мира («Качаясь на волнах эфира...»)	411
Покорение пустыни («Чей дух извечно-молодой...»)	411
Севморпуть («Чей разум угадал сквозь льды...»)	412

1951

Волга—Дон («В грозном вое степных ураганов...»)	413
«Пять строек великих, как пять маяков...»	413
Так будет! («Не надо нам земли чужой...»)	414

1952

«Особенных претензий не имею...»	416
Стихи из ненаписанного романа («Как древние в Коломенском ворота...»)	416

1953

«И сердце то уже не ответится...»	417
-----------------------------------	-----

1954

Отрывок («В прошлое иду я — спят граниты...»)	418
---	-----

1955

О десятых годах («И никакого розового детства...»)	419
Застольная. <Из цикла «Песенки»> («Под узорной скатертью...»)	420
Любовная. <Из цикла «Песенки»> («А ведь мы с тобой...»)	420

1956

Сон (« <i>Был вещим этот сон или не вещим...</i> »)	421
«Ты выдумал меня. Такой на свете нет...»	421
«По той дороге, где <i>Донской...</i> »	422
«Меня влекут дороги <i>Подмосковья...</i> »	422
«Еще говорящую трубку...»	423
«Не повторяй — (душа твоя богата)...»	423
«Пусть кто-то еще отдыхает на юге...»	423
Первая песенка (« <i>Таинственной не встречи...</i> »)	424
Другая песенка (« <i>Несказанные речи...</i> »)	424
В разбитом зеркале (« <i>Непоправимые слова...</i> »)	425
«Меня и этот голос не обманет...»	425
«...Как! Только десять лет, ты шутишь, Боже мой...»	426
Из цикла « <i>сожженная тетрадь («Пусть мой корабль пошел на дно...»)</i> »	426
«И мне доказательство верности этой...»	427
«Пою эту встречу, пою это чудо...»	427
«Обыкновенным было это утро...»	427
Из ленинградских элегий (« <i>О! из какой великолепной тьмы...</i> »)	428
Поэма без героя. <i>Триптих (Третья редакция)</i>	
Вместо предисловия	428
Первое посвящение	429
Второе посвящение	430
Часть первая. Тысяча девятьсот тринадцатый год. <i>Петербургская повесть</i>	431
Часть вторая. <i>Intermezzo. Решка</i>	443
Часть третья. Эпилог	448

1957

Будка	452
«Забудут? — вот чем удивили...»	452
«Ты напрасно мне под ноги мечешь...»	453
«Я над ними склонюсь, как над чашей...»	453
«Я подымаю трубку. Я называю город...»	454
Август (« <i>Он и праведный, и лукавый...</i> »)	454

Эпиграмма («Могла ли Биче словно Дант творить...») . . .	455
Музыка («В ней что-то чудотворное горит...»)	455
«Все, — кого и не звали, — в Италии...»	456
«Этой ивы листы в девятнадцатом веке увяли...»	456
«...Боюсь, что все, что я пишу здесь...»	456
«Как все уже было давно...»	457
Дом Шухардиной	457
«Биографию я принималась писать несколько раз...»	458

1958

«Не мудрено, что похоронным звоном...»	459
Рисунок на книге стихов («Он не траурный, он не мрачный...»)	459
«Позвони мне хотя бы сегодня...»	459
Приморский сонет («Здесь все меня переживет...»)	460
«Кому и когда говорила...»	460
«Одичалая и немая...»	460
Из седьмой северной элегии («...А я молчу — я тридцать лет молчу...»)	461
Лирические отступления седьмой элегии (<i>А у присяжных то же изумленье...</i>)	462
«Ты кто-то из прежней жизни...»	463
«Он не друг и не враг и не демон...»	464
При музыке («Опять проходит полонез Шопена...»)	464
«Словно дальнему голосу внемлю...»	465
Имя («Татарское, дремучее...»)	465
«Вы меня, как убитого зверя...»	465
Стихи из ненаписанного романа («У кого-то есть...»)	466
«От меня, как от той графини...»	466
«И будешь ты из тех старух...»	466
«Самый черный и душный самый...»	466
«Горячего дня середина...»	467
«Под рукоплесканья клеветы...»	467
«Я была тебе весной и песней...»	467
«Завещать какой-то дикой скрипке...»	467

«Стеклянный воздух над костром...»	467
« накануне...»	467
«И все пошли за мной, читатели мои...»	468
«И возникает мой сонет...»	468
«Непогребенных всех — я хоронила их...»	468
«И яростным вином блудодеянья...»	468
Умерь! («Четыре буквы, вечный мрак!..»)	468
« звон монет...»	468
Смерть Софокла («На дом Софокла в ночь слетел с небес орел...»)	469
«Пусть кто-нибудь сюда придет...»	469

1958—1960

«Не с тобой мне есть угощенье...»	470
«Зазвонили в Угличе рано...»	470
Подражание корейскому («Приснился мне почти что ты...»)	470
«В скорбях, в страстях, под нестерпимым гнетом...»	471
«Скука, скую»	471
«Это скуки первый слой...»	471
<Северные элегии> («Их будет семь, — я так решила...»)	471

1959

«Это с тобой я встречала тогда...»	472
Мартовская элегия («Если бы ты музыкой была...»)	472
24 мая («Это были черные тюльпаны...»)	472
Отрывок («...И мне показалось, что это огни...»)	473
«И особенно, если снится...»	473
«Не мешай мне жить — и так не сладко...»	473
«Ты любила меня и жалела...»	474
«Что нам разлука? — Лихая забава...»	474
Летний сад («Я к розам хочу, в тот единственный сад...»)	474
Поэт («Подумаешь, тоже работа...»)	475
Читатель («Не должен быть очень несчастным...»)	476

Лишняя. <Из цикла «Песенки»> («Тешил — ужас. Грела — вьюга...»)	477
«Когда уже к неведомой отчизне...»	477
Скорость («Бедствие это не знает предела...»)	477
Бреды («Самолет приблизился к Парижу...»)	478
«...И черной музыки безумное лицо...»	478
«Но тебе не дала я кольца...»	478
Четыре времени года («Сегодня я туда вернусь...»)	479
«Не страшай меня грозной судьбой...»	479
«Что ты можешь еще подарить?..»	480
Творчество («...говорит оно:...»)	480
Наследница («Казалось мне, что песня спета...»)	480
«Вам жить, а мне не очень...»	481
«Ты первый сдался — я молчала...»	481
Из цикла «Ташкентские страницы» («В ту ночь мы сошли друг от друга с ума...»)	481
Последнее стихотворение («Одно, словно кем-то встревоженный гром...»)	482
«Я давно не верю в телефоны...»	483
Посвящение цикла «Из сожженной тетради» («Вместо праздничного поздравленья...»)	483
«И отнять у них невозможно...»	484
«Неправда, не медный, неправда, не звон...»	484
Из дневника	484
«Как слепоглухонемая...»	485
«Мне веселее ждать его...»	485
«Это и не старо, и не ново...»	485
Из набросков («Даль рухнула, и пошатнулось время...»)	486
Прощальная. <Из цикла «Песенки»> («Не смеялась и не пела...»)	486
«...Но в мире нет власти...»	486
«Не давай мне ничего на память...»	486
«Тебя прямо в музыку спрячу...»	486
«И в недрах музыки я не нашла ответа...»	487
«Хвалы эти мне не по чину...»	487
«На свиданье с белой ночью...»	487
«Не лги мне, не лги мне, не лги мне...»	487

«Я бросила тысячи звонниц...»	488
«. и это грозило обоим...»	488
«Нужен мне он или не нужен...»	488
«Там завтра мое улыбаясь сидело...»	488
«Там оперный еще томится Зибель...»	488
Отрывок (« <i>Так вот где ты скитаться должна...</i> »)	488
Березы	489
Мелхола (« <i>И отрок играет безумцу царю...</i> »)	490
«Это ты осторожно коснулся...»	490

1950-е

Городу (« <i>Весь ты сыгранный на шарманке...</i> »)	491
«Не то чтобы тебя ищут...»	491
«Всех друзей моих благодарю...»	491
«Там зори из легчайшего огня...»	492
«Ты, крысоловней дудкою маня...»	492
«Снова ветер знойного июля...»	492
[Ташкент] (« <i>Затворилась навек дверь его...</i> »)	492
«И от Царского до Ташкента...»	492
«Без крова, без хлеба, без дела...»	493
«И не дослушаю впотьмах...»	493
«И прекрасней мраков Рембрандта...»	493
«Мне безмолвие стало домом...»	493
«Ты не хотел меня такой...»	493

Конец 1950 — начало 1960

«О, как меня любили ваши деды...»	494
«И по собственному дому...»	494

1960

«И юностью манит, и славу сулит...»	495
Мартовская элегия (« <i>Прошлогодних сокровищ моих...</i> »)	496
«Смирение! — не ошибись дверьми...»	496
«И опять по самому краю...»	496
Смерть поэта (« <i>Умолк вчера неповторимый голос...</i> »)	497
«Словно дочка слепого Эдипа...»	497

«Хулимые, хвалимые!..»	497
«Шутки — шутками, а сорок...»	498
«И меня по ошибке пленило...»	498
«И в памяти черной, пошарив, найдешь...»	498
Самой поэме («Ты растешь, ты цветешь, ты — в звуке...»)	499
Сонет-эпиграмм («Не пугайся, — я еще похожей...»)	499
Эхо («В прошлое давно пути закрыты...»)	500
Муза («Как и жить мне с этой обузой...»)	500
«Моею Музой оказалась мука...»	500
Памяти Анты («...Пусть это даже из другого цикла...»)	501
«Кто его сюда прислал...»	501
«И луковки твоей не тронул золотой...»	501
«И жесткие звуки влажнели, дробясь...»	501
«И это б могла, и то бы могла...»	501
«Вы чудаки, вы лучший путь...»	502
«Ни вероломный муж, ни трепетный жених...»	502
«От этих антивстреч...»	502
«...горчайшей смерти чашу...»	502

1960—1961

Подражание Кафке («Другие уведят любимых...»)	503
---	-----

1940—1965

Поэма без героя. Триптих (Четвертая редакция)

Вместо предисловия	504
Посвящение	505
Второе посвящение	505
Третье и последнее	506
Вступление	507
Часть первая. Девятьсот тринадцатый год. Петербургская повесть	507
Часть вторая. Intermezzo. Решка	521
Часть третья. Эпилог	528
<p><Строфы, не вошедшие в «Поэму без героя»></p>	
<1>. «Пусть глаза его как озера...»	531
<2>. «Не кружился в Европах бальных...»	531

<3>. «И с ухватками византийца...»	531
<4>. «Ты приедешь в черной карете...»	531
<5>. «Верьте мне вы или не верьте...»	532
<6>. «[...театр Мариинский...»	532
<7>. «И тогда, как страшное действо...»	532
<8>. «Словно память «Народной Воли»...»	532
<9>. «Вкруг него — дорогие тени...»	533
<10>. «Что бормочешь ты, полночь наша?...»	533
<11>. «Там я рада или не рада...»	533
<12>. «А за тонкой стенкой, откуда...»	534
<13>. «Я иду навстречу виденью...»	534
<14>. «Вот беда в чем, о дорогая...»	534
<15>. «И уже, заглушая друг друга...»	535
<16>. «В черноватом Париж тумане...»	535
<17>. «И тогда мой гость зазеркальный...»	535
<18>. «Все готово для встречи друга...»	535
Примечания редактора	536

1960—1965

«...что с кровью рифмуется...»	537
--	-----

1961

Петербург в 1913 году («За заставой воет шарманка...») . . .	538
«Слышишь, ветер поет блаженный...»	538
Конец демона («Словно Врубель наш вдохновенный...») . . .	538
«...И теми стихами весь мир озарен...»	539
«Если б все, кто помощи душевной...»	539
«А я говорю, вероятно, за многих...»	539
Сожженная тетрадь («Уже красуется на книжной полке...»)	540
Сосны («Не здороваются, не рады!..»)	540
«Как будто я все ведала заранее...»	540
Слово о Пушкине	540
«И анютиных глазок стая...»	542
«Прав, что не взял меня с собой...»	542

Бег времени («Что войны, что чума! — концы их виден скорый...»)	542
«Так не зря мы вместе бедовали...»	542
«Хозяйка румяна, и ужин готов...»	543
«Как жизнь забывчива, как памятлива смерть...»	543
Почти в альбом («Услышишь гром и вспомнишь обо мне...»)	543
«Угощу под заветнейшим кленом...»	543
Царскосельская ода. Девятисотые годы («Настоящую оду нашептало...»)	544
«Всем обещањям вопреки...»	545
Выход книги («Тот день всегда необычаен...»)	546
Александр у Фив («Наверно, страшен был и грозен юный царь...»)	546
Нас четверо. Комаровские наброски («...И отступилась я здесь от всего...»)	547
«Слушала стрекозиный вальс...»	547
Родная земля («В заветных ладанках не носим на груди...»)	547
«Больничные молитвенные дни...»	548
Слушая пение («Женский голос, как ветер, несется...»)	548
«Недуг томит — три месяца в постели...»	549
«И музыка тогда ко мне...»	549
К стихам («Вы так вели по бездорожью...»)	549
«Не знаю, что меня вело...»	549
«Что таится в зеркале? — Горе...»	549
«Ромео не было, Эней, конечно, был...»	549

1962

<Напутствие стихам Ирины Кнорринг>	550
«И было сердцу ничего не надо...»	550
«Как зеркало в тот день Нева лежала...»	550
Почти в альбом («...и третье, что нами владеет всегда...»)	551
«О своем я уже не заплачу...»	551
«Что у нас общего? Стрелка часов...»	551
Последняя роза («Мне с Морозовой класть поклоны...»)	552

«И северная весть на севере застала...»	552
«. полупрервана беседа...»	552
«Вот она, плодоносная осень!..»	552
Защитникам Сталина (« <i>Это те, кто кричали: «Варраву!..»</i> »)	553
Еще об этом лете. Отрывок (« <i>И требовала, чтоб кусты...»</i>)	553
«А тебе еще мало по-русски...»	553
Через много лет. <i>Последнее слово</i> (« <i>Ты стихи мои требуешь прямо...»</i>)	554
«Все это было — твердая рука...»	554
«Если бы тогда шальная пуля...»	555
«Спасали всегда почему-то кого-то...»	555
«Путь мой предсказан одною из карт...»	555
«Поэт не человек, он только дух...»	555
«Твой месяц май, твой праздник...»	555
(«Иеремия» Стравинского) (« <i>И вот из мрака встает одна...»</i>)	555
«Там такие бродят души...»	556
«Так скучай обо мне поскучнее...»	556
«Не находка она, а утрата...»	556
«Превращая концы в начала...»	556
Проза о поэме. <i>Pro domo mea</i>	556

1962—1963

Гибель Пушкина	600
--------------------------	-----

1963

«Так уж глаза опускали...»	677
«Все в Москве пропитано стихами...»	677
«Кого просить, куда бежать...»	678
Предвесенняя элегия (« <i>Меж сосен метель присмирела...»</i>)	678
«Взоры огненной огня...»	678
Через 23 года (« <i>Я гашу те заветные свечи...»</i>)	678
Первое предупреждение (« <i>Какое нам, в сущности, дело...»</i>)	679
«Запад клеветал и сам же верил...»	679

«...и умирать в сознании горделивом...»	680
«Но мы от этой нежности умрем...»	680
Зов («И в предпоследней из сонат...»)	680
В зазеркалье («Красотка очень молода...»)	681
Еще тост («За веру твою и за верность мою...»)	681
И последнее («Была над нами, как звезда над морем...»)	682
Сонет («Я тебя сама бы увенчала...»)	682
«Стряслось небывалое, злое...»	682
«Не с такими еще разлучалась...»	683
Пятая роза («Звалась <i>Soleil</i> ты или Чайной...»)	683
Тринадцать строчек («И наконец ты слово произнес...»)	684
«Разлука призрачна — мы будем вместе скоро...»	684
Вступление («Если бы брызги стекла...»)	685
«И было этим летом так отрадно...»	685
«Ты — верно, чей-то муж и ты любовник чей-то...»	685
Вместо посвящения («По волнам блуждаю и прячусь в лесу...»)	686
Ночное посещение («Не на листопадном асфальте...»)	686
«Из-под смертного свода кургана...»	687
«Шелестит, опадая орешник...»	687
«За плечом, где горит семисвечник...»	687
«Знай, тот, кто оставил меня на какой-то странице...»	687
Без названия («Среди морозной праздничной Москвы...»)	688
«Я играю в ту самую игру...»	688
«Может быть, потом ненавидел...»	688
При непосылке поэмы («Приморские порывы ветра...»)	688
«Мы больше не встречаться научились...»	689
«Быть страшно тобою хвалимой...»	689
«Оставь нас с музыкой вдвоем...»	689
«Чтоб я не предавалась суесловью...»	689
«Я не сойду с ума и даже не умру...»	689
«Врачуй мне душу, а не то...»	690
«Я выбрала тех, с кем хотела молчать...»	690
Сонет («Приди как хочешь: под руку с другой...»)	690

«По самому жгучему лугу...»	691
«Чьи нас душили кровавые пальцы?...»	691
«И я не имею претензий...»	691
«Оставь, и я была как все...»	691
«Тополевой пушинке я б встречу устроила здесь...»	691
«Быть может, презреннее всех на земле...»	691

1963—1965

«Нет, ни в шахматы, ни в теннис...»	692
«Пусть даже вылета мне нет...»	692
«Позвольте скрыть мне все: мой пол и возраст...»	692
«Но говорят — в разбомбленном когда-то...»	693
«И любишь ты всю жизнь меня, меня одну...»	695

1964

Последняя. <Из цикла «Песенки»> («Услаждала бредами...»)	696
Письмо («Не кралось полуденным бродом...»)	696
«Пусть так теряют смысл слова...»	696
«Смерть одна на двоих. Довольно!..»	697
Из «Дневника путешествия». Стихи на случай («Светает. Это Страшный суд...»)	697
Романс («Что тоскуешь, будто бы вчера...»)	697
К музыке («Стала я, как в те года, бессонной...»)	698
«...и той, что танцует лихо...»	698
Памяти В.С. Срезневской («Почти не может быть, ведь ты была всегда...»)	698
В Выборге («Огромная подводная ступень...»)	699
«Земля хотя и не родная...»	699
Запретная роза («Ты о ней как о первой невесте...»)	700
«Я еще сегодня дома...»	700
«И это станет для людей...»	700
Последний день в Риме («Заключенье не бывшего цикла...»)	701
«...В семье никто...»	701
«Беспамятна лишь жизнь, — такой не назовем...»	701

«Но кто подумать мог, что шестьдесят четвертый...»	702
«Напрягаю голос и слух...»	702
«Мы до того отравлены друг другом...»	702

1958—1964

Амедео Модильяни	703
Все было подвластно ему	709

1964—1965

«Молитесь на ночь, чтобы вам...»	713
Музыке («Ты одна разрыть умеешь...»)	713
(Мэчэлли) («Мы по ошибке встретили Год...»)	713

1965

Из цикла «В пути» («Совсем вдали висел какой-то мост...»)	714
«Не напрасно я носила...»	714
Вместо послесловия. <К циклу «Полночные стихи»> («А там, где сочиняют сны...»)	714
«Для суда и для стражи незрима...»	715
«То лесью новогоднего сонета...»	715
«Не в таинственную беседу...»	715
«Пускай австралийка меж нами незримая сядет...»	715
«Я там иду, где ничего не надо...»	715
«И никогда здесь не наступит утро...»	716
«И странный спутник был мне послан адом...»	716
«Кто тебя мучил такого...»	716
Музыка («Сама себя чудовищно рождая...»)	716
«Музыка могла б мне дать...»	717
Воспоминания об Александре Блоке	717
Коротко о себе	720
<Пушкин и дети>	723
Данте	724

1965—1966

«Что там клокотало за дверью стеклянной...»	727
«А как музыка зазвучала...»	727

1966

«Сама Нужда смирилась наконец...» 728

1960-е

«Я у музыки прошу...» 729

Без даты

1910-е годы 730

«Адольф» Бенжамена Констан в творчестве Пушкина 732

«Анина комната: окно на Безымянный переулок...» 757

Белая стая 757

«В 1924 году три раза подряд видела во сне Х.» 758

В десятом году 758

«В мае 1934 г., когда рассылались анкеты...» 759

«В Царском Селе я жила в общем с двух до шестнадцати лет...» 760

<О Мандельштаме> 760

«В первый раз я стала писать свою биографию, когда мне было 11 лет...» 782

Город 782

«Сейчас с изумлением прочла в «Звезде»...» 783

Дальше о городе. *Три замечания* 783

Дикая девочка 784

«За меня не будете в ответе...» 784

«Запахи Павловского Вокзала...» 784

«И если Поэзии суждено цвести...» 785

К истории акмеизма 785

«Который-то день вожусь с биографической книгой...» 788

Михаил Лозинский 789

Мнимая биография 790

«На север я вернулась в июне 1910 года...» 791

«Начинать совершенно все равно с чего...» 791

«Не лирою влюбленного...» 792

«Непрененно, 9 января...» 792

Заметки о Николае Гумилеве 792

Гумилев	793
«Почему нигде и никогда я не прочла...»	795
«Царское Село в стихах...»	795
Маргарита	796
«Сейчас, как читатель видит, я не касаюсь...»	796
«Я совершила по этой поэзии долгий и страшный путь...»	797
«<...> И не только от несчастной любви...»	797
«О книге, которую я никогда не напишу...»	798
«Общеизвестно, что каждый уехавший из России...»	798
«Первое стихотворение я написала, когда мне было 11 лет...»	799
Пестрые заметки	799
«После моих вечеров в Москве...»	800
«После постановления 1946 года...»	800
Псевдомемуарии	800
Разъяснение одного недоразумения	801
«Скучно мне оберегать...»	801
Слепнево	802
«...Среди этих приемов...»	803
«Теперь, когда все позади...»	804
«У поэта существуют тайные отношения...»	804
«Успеть записать одну сотую того...»	805
««Четки», как я уже говорила...»	805
«Что же касается третьего сборника...»	806
«Я какой-то анти-Броунинг...»	806
«Я ни в какой мере не собираюсь...»	806
<Из балета «Тринадцатый год»>	807
<О летчиках, или Слепая мать>	816
Энума Элиш	823
<Фрагменты>	871
Размышления о поэтах-современниках	
<Иннокентий Анненский>	878
<Пастернак>	880
<Мандельштам>	880
<Цветаева>	882
<Тициан Табидзе и Паоло Яшвили>	883

Рецензии, выступления, интервью

О стихах Н. Львовой	884
Заметки на полях	885
<О стихах А. Тарковского>	887
Выступление на радиомитинге в г. Пушкине 11 июня 1944 года . .	889
Над чем я работаю	889
<i>Е. Клюев. Памятник памяти</i>	<i>891</i>
<i>Н. Василькова (составитель). Хроника жизни и творчества</i> <i>Анны Ахматовой</i>	<i>895</i>
Алфавитный указатель	934